

О. А. Любезников

ИСААКИЕВСКИЙ СОБОР

1917

1920е

**ПРОБЛЕМА
МУЗЕЕФИКАЦИИ**

О.А. Любезников

Исаакиевский собор в 1917–1920-е гг.

Архитекторы
М.Т. Преображенский,
Н.П. Никитин,
А.П. Удаленков
и проблема музеефикации памятника

Санкт-Петербург
2017

УДК 94(470+571)«1917/1974»

ББК 63.3(2)47

Л93

Любезников О.А. Исаакиевский собор в 1917–1920-е гг. Архитекторы М.Т. Преображенский, Н.П. Никитин, А.П. Удаленков и проблема музеефикации памятника. СПб.: «Издательство "ЛЕМА"», 2017. – 68 с.

ISBN 978-5-00105-139-8

Очерк кандидата исторических наук О.А. Любезникова – первая в историографии подробная реконструкция истории Исаакиевского собора в 1917 – 1920-е гг. Впервые вводимые в научный оборот документы из 5 архивохранилищ Санкт-Петербурга позволили в деталях осветить процессы, протекавшие в соборе в первое десятилетие советской власти, раскрыть причины музеефикации памятника и рассказать о профессиональных архитекторах, стремившихся сохранить шедевр мирового зодчества.

Для всех интересующихся историей Санкт-Петербурга.

ISBN 978-5-00105-139-8

© Любезников О.А., 2017

© ООО «Издательство «ЛЕМА», 2017

*«Мне только жаль, рассуждая хладнокровно,
что люди сами не работают и не дают работать другим.
Меня только печалит судьба
нашей родной русской архитектуры
и уходящих из жизни памятников...»*

Из письма Н.П. Никитина И.Э. Грабарю ¹

Революционные события 1917 года и последовавшие за ними правительственные меры по отношению к церковным организациям не могли не отразиться на судьбе самих памятников культовой архитектуры. Декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» («Об отделении церкви от государства и школы от церкви») объявлял все церковное имущество «народным достоянием». А инструкция «О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» устанавливала механизм передачи храмов от местных Советов рабочих и крестьянских депутатов группам верующих, так называемым «двадцаткам» – по числу членов каждой. В условиях отсутствия государственного финансирования поддерживать нормальное состояние церковных зданий «двадцаткам» зачастую было не под силу. Кроме того, крупные и сложные с инженерно-технической точки зрения постройки требовали не только достаточных финансовых вливаний, но и перманентного надзора со стороны высококвалифицированных компетентных специалистов, как правило, к «двадцаткам» отношения не имевших. Архитекторы и другие деятели науки и искусства опасались за судьбу храмовых и монастырских

¹ НА РАХ. Ф. 42 (Никитин Н.П.). Оп.1. Д. 49. Переписка с И.Э. Грабарем по поводу защиты Н.П. Никитиным докторской диссертации. Л. 13 об.

комплексов. Осознание угрозы утраты ценных памятников культового зодчества уже в 1918 году пришло и к представителям новой власти (в первую очередь, из-за необходимости устранения значительных разрушений на территории Московского Кремля²). В поле зрения многочисленных образывавшихся на рубеже 1910-1920-х гг. комиссий и учреждений по охране памятников искусства и старины стали попадать и некоторые памятники церковной архитектуры. В первой половине 1920-х гг. на всей европейской части страны начинает действовать более сотни музеев-храмов и музеев-монастырей. Объектом показа, изучения и реставрации становились сами церковные сооружения и их внутреннее убранство. По словам крупного исследователя этой проблематики Марии Елисеевны Каулен, «музеефикация [...] воспринималась не как самоцель, но как высшая форма охраны»³.

В отличие от других регионов в Петрограде подобных музеев создано практически не было (за исключением Петропавловского собора-музея). Крупные храмы, в том числе попадавшие в руки представителей обновленческого течения православной церкви, продолжали действовать вплоть до конца 1920-х гг. Оставаясь подконтрольными «двадцаткам», выдающиеся памятники храмовой архитектуры постепенно разрушались⁴. Весьма драматичной была судьба Исаакиевского собора.

² См. подробнее: *Рославский В.М.* Москва-Петроград. Два центра отечественной реставрации. М., 2015. С. 24.

³ *Каулен М.Е.* Музеи-храмы и музеи-монастыри в первое десятилетие Советской власти. М., 2001. С. 25.

⁴ О состоянии Казанского собора в это время см.: *Шахнович М.М., Чумакова Т.В.* Музей истории религии Академии наук СССР и российское религиоведение (1932-1961). СПб., 2014. С. 29-31.

История собора в 1917-1920-е гг. до сих пор не написана. Немногочисленные научные справки и небольшие статьи сотрудников ныне существующего музея не дают ясного представления о жизни памятника до его музеефикации⁵. В специальном подготовленном в 1996 году на основе документов Центрального государственного архива Санкт-Петербурга справочнике по истории петербургских храмов история Исаакиевского собора в 1920-е гг. изложена тезисно, причины музеефикации не раскрыты, «действующими лицами», влиявшими на судьбу собора, выступают не конкретные люди, а целые организации, государственные учреждения⁶. Задача настоящего исследования – опираясь на неопубликованные (некоторые – впервые вводимые в научный оборот) документы 5 архивохранилищ, попытаться дать по возможности полное освещение процессов, протекавших в Исаакиевском соборе в первое десятилетие советской власти, и, главное, рассказать о тех людях, которые, используя свои профессиональные навыки и возможности, стремились сохранить этот шедевр мирового зодчества.

В дореволюционный период надзор за состоянием здания Исаакиевского собора, его внешним обликом и внутренним убранством осуществляли члены специально созданного учреждения – Техническо-Художественного

⁵ Голованова А.В. Руководители и их роль в жизни музея в XX веке // Кафедра. Сб. науч. ст. Вып. XI. Имена. СПб., 2013. С. 40-50; Окунев С.Н. Документы по истории создания музея «Исаакиевский собор». 1918-1928. Научная справка ГМП «Исаакиевский собор». СПб., 1999; Ушкова Ю.С. Судьба творения О. Монферрана в новейшей истории России (после 1917 г.) // Кафедра. Сб. науч. ст. Вып. IV. Исаакиевский собор между прошлым и будущим. СПб., 2008. С. 380-390.

⁶ Черепенина Н.Ю., Шкаровский М.В. Справочник по истории православных монастырей и соборов г. Санкт-Петербурга 1917-1945 гг. (по документам ЦГА СПб). СПб., 1996. С. 81-86.

Совещания, подведомственного Департаменту Общих дел Министерства Внутренних дел. Инспектор работ, архитектор и смотритель, составлявшие Совещание, ежемесячно осматривали постройку, в специальных актах обозначали необходимость тех или иных ремонтно-реставрационных работ и ходатайствовали перед министерством об ассигновании требовавшихся сумм⁷. Удовлетворять подобные ходатайства во время революции оказалось сложно. Уже в середине октября 1917 года Техническо-Художественное Совещание констатировало недостаток финансовых средств для оплаты за отопление собора⁸. 9 марта (24 февраля) 1918 года состоялось экстренное заседание Техническо-Художественного Совещания «о безвыходном состоянии Исаакиевского собора вследствие прекращения отпуска казенного ассигнования на содержание его». Средств не было ни на отопление собора, ни на уборку снега и льда вокруг здания, ни на уплату жалованья «младшим служащим» (сторожам). Члены Техническо-Художественного Совещания во главе с инспектором работ академиком архитектуры Михаилом Тимофеевичем Преображенским (1854-1930)⁹ (Рис. 1), составив смету на производство работ

⁷ РГИА. Ф. 502 (Кабинет архитектора Монферрана). Оп. 4. Д. 4. Правила для руководства по заведыванию зданием Санкт-Петербургского Исаакиевского собора. Л. 1 об., 2, 8 об.; *Квятковский А.В.* Управление, содержание и заведование Исаакиевским кафедральным собором. 1858–1918 (по документам РГИА) // Кафедра. Сб. науч. ст. Вып. I. Музей в храме-памятнике. СПб., 2005. Эл. ресурс: <http://www.isaac.spb.ru/cathedra/num1/kvyat> (Дата обращения: 22.01.2017)

⁸ РГИА. Ф. 502 (Кабинет архитектора Монферрана). Оп. 4. Д. 11. О техническо-художественных совещаниях по делам Исаакиевского собора. 1912-1921. Л. 5.

⁹ М.Т. Преображенский – известный зодчий, по проекту которого на рубеже XIX-XX вв. возведен целый ряд храмов в «русском стиле» в Российской империи и за границей, профессор-руководитель мастерской Высшего художественного училища при Академии художеств. См. подробнее:

на сумму 46605 руб. 67 коп., приняли решение «отправить делегацию [...] к Народному Комиссару А.В. Луначарскому для изложения указанных нужд Собора и исходатайствования крайне необходимых средств для поддержания Собора как памятника, имеющего высокохудожественные достоинства и крупную государственную ценность»¹⁰. Результатом предпринятого М.Т. Преображенским и его коллегами шага стало постановление Совета Комиссаров Петроградской Трудовой Коммуны от 26 марта 1918 года, которым Исаакиевский собор объявлялся «собственностью Петроградской Трудовой Коммуны», с 1 апреля оказывался в ведении Народного Комиссариата Имуществ Республики¹¹, а на его содержание «в течение первых трех месяцев» следовало ассигновать 25 тысяч рублей¹².

Финансовые средства были крайне необходимы. Уже 29 марта священники собора протоиереи Н. Смирягин, В. Велтистов, Д. Стефанович обратились к Техническо-Художественному Советанию с просьбой «обратить внимание на сильную течь, появившуюся в

Павлова А.Л. О деятельности архитектора М.Т. Преображенского (150 лет со дня рождения) // Русское искусство Нового времени. Исследования и материалы. Сб. ст. Вып. 9: Из истории Императорской Академии художеств. М., 2005. С. 297-316.

¹⁰ ЦГА СПб. Ф. 143 (Канцелярия Центрального Исполнительного комитета и Совета комиссаров Союза коммун Северной области, 1918-1919). Оп. 1. Д. 31. Декреты, обязательные постановления и материал к ним (доклады, протоколы, приказы, бюллетени). Л. 86-86 об., 87.

¹¹ РГИА. Ф. 502 (Кабинет архитектора Монферрана). Оп. 4. Д. 11. О техническо-художественных совещаниях по делам Исаакиевского собора. 1912-1921. Л. 33.

¹² ЦГА СПб. Ф. 144 (Совет Комиссаров Петроградской Трудовой Коммуны). Оп.1. Д. 1. Протоколы заседаний Совета Комиссаров Петроградской Трудовой Коммуны. Л. 11; ЦГА СПб. Ф. 143 (Канцелярия Центрального Исполнительного комитета и Совета комиссаров Союза коммун Северной области, 1918-1919). Оп. 1. Д. 31. Декреты, обязательные постановления и материал к ним (доклады, протоколы, приказы, бюллетени). Л. 96.

левом приделе собора над левым клиросом»¹³. Помимо исправления кровли здания, требовался целый ряд других ремонтно-реставрационных мер. Так, в июле 1918 года М.Т. Преображенский в ответ на свой запрос в Наркомат имуществ получил разрешение истратить более 26 тысяч рублей на «исправление печей и калориферов, запайку медной крыши, исправление пятников у входных дверей, вставку разбитых стекол и осмотр каменных модульонов [...], перемещение и исправление булыжной мостовой на площади, очистку бронзовых украшений...»¹⁴ Особое внимание Техническо-Художественного Совецания было приковано к размещению в соборе набравшихся в Академии художеств мозаичных копий живописных икон. В сентябре 1918 года Наркоматом имуществ были профинансированы работы по установке мозаик в царских вратах. Рассматривался вопрос об истребовании сумм на «заливку последнего паруса с изображением Евангелиста Иоанна», на монтаж четырех мозаик с изображениями апостолов в барабане собора, на постановку «на место в нишах собора готовых мозаик с изображениями Двенадесятых праздников»¹⁵.

Но несмотря на активность М.Т. Преображенского и всего Техническо-Художественного Совецания, отпускаемых средств все равно было недостаточно. В октябре 1918 года стало ясно, что до наступления зимы осуществить пайку крыши и перестелить мостовую у западного фасада собора не удастся¹⁶. С одной стороны,

¹³ РГИА. Ф. 502 (Кабинет архитектора Монферрана). Оп. 4. Д. 46. О текущих ремонтах по собору. 1895-1921. Л. 40.

¹⁴ Там же. Л. 47.

¹⁵ РГИА. Ф. 502 (Кабинет архитектора Монферрана). Оп. 4. Д. 47. Акты: художествен.-техн. совещаний, о реставрации собора, о счете денег, собранных во время богослужений, о ремонте, о сдаче ценностей в Эрмитаж. 1897-1924. Л. 40 об.

¹⁶ Там же. Л. 42 – 42 об.

предполагаемые подрядчики в условиях революционного кризиса заметно завышали цены. С другой, по-видимому, имела значение развернувшаяся в том же 1918 году межведомственная борьба Наркомата имуществ и Наркомата просвещения по вопросу об управлении многочисленными петроградскими и московскими организациями по охране и реставрации памятников искусства и старины¹⁷. Поскольку на протяжении ряда месяцев Наркомат имуществ свои позиции терял, подведомственное ему Техническо-Художественное Собрание требуемых сумм добиться не могло. Соперничество завершилось в пользу Наркомпроса. С 1 ноября 1918 года Комиссариат Имуществ был реорганизован в Отдел Имуществ Республики при Народном Комиссариате Просвещения¹⁸, а месяц спустя – 1 декабря 1918 года – было упразднено Техническо-Художественное Собрание¹⁹.

Тем не менее, здание храма требовало надзора, и на должность «консультанта по техническо-художественным вопросам, связанным с состоянием собора» был приглашен все тот же М.Т. Преображенский. Из средств Отдела имуществ он ежемесячно, начиная с 1 декабря 1918 года, должен был получать жалованье, в том числе для «окончания [...] труда по составлению историко-художественного исследования, касающегося Исаакиевского собора»²⁰. Однако в тот период – на рубеже 1918-1919 гг. – продолжалась борьба за руководство делом

¹⁷ См. подробнее: *Рославский В.М.* Москва-Петроград. Два центра отечественной реставрации. М., 2015. С. 29-47.

¹⁸ РГИА. Ф. 502 (Кабинет архитектора Монферрана). Оп. 4. Д. 21. Приказы по Отделу имуществ Республики. 1918-1919. Л. 13.

¹⁹ РГИА. Ф. 502 (Кабинет архитектора Монферрана). Оп. 4. Д. 11. О техническо-художественных совещаниях по делам Исаакиевского собора. 1912-1921. Л. 35.

²⁰ Там же.

охраны памятников²¹. В Петрограде центром по ремонту и реставрации художественных произведений постепенно становился Археологический отдел Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса. Именно от Археологического отдела М.Т. Преображенский получил назначение на должность архитектора Исаакиевского собора с 15 апреля 1919 года. Его помощником стал архитектор Николай Петрович Никитин (1884-1971)²².

Хотя Н.П. Никитин (Рис. 2) сыграл в судьбе здания собора огромную роль, а в судьбе музея в здании – определяющую, полноценного жизнеописания зодчего не только не создано, но не подготовлена даже какая бы то ни было краткая биографическая справка. Потому представляется необходимым достаточно подробно описать этапы его профессионального становления.

Н.П. Никитин родился 4 (17) сентября 1884 года в семье Петра Афанасьевича и Александры Михайловны, крестьян деревни Кирзино Богимовской волости Тарусского уезда Калужской губернии²³. Местом своего рождения Николай Петрович называл иногда Тарусу²⁴, а иногда – Москву²⁵. Семья, по-видимому, проживала в Москве (отец работал столяром, мать вела домашнее хозяйство), по крайней мере, крестили младенца 9 (22)

²¹ Подробнее см.: *Рославский В.М.* Москва-Петроград. Два центра отечественной реставрации. С. 48-143.

²² РГИА. Ф. 502 (Кабинет архитектора Монферрана). Оп. 4. Д. 11. О техническо-художественных совещаниях по делам Исаакиевского собора. 1912-1921. Л. 43.

²³ РГИА. Ф. 789 (Академия художеств). Оп. 13. Д. 138. Никитин Николай Петрович. 1914 г. Л. 5.

²⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 341 (Ленинградская организация ордена Ленина Союза архитекторов СССР). Оп.3. Д. 304. Николай Петрович Никитин. Л. 1, 3.

²⁵ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2 (Государственная Академия истории материальной культуры (1919-1937)). Оп.3. Д. 790. Никитин Николай Петрович. 1925. Л. 3.

октября 1884 года в церкви Григория Богослова близ Большой Дмитровки²⁶. После окончания в 1897 году четырехклассного училища Лефортовского попечительства о бедных²⁷ Н.П. Никитин учился в Московском Строгановском училище, «изучая историю искусств у академика архитектуры С.В. Ноаковского и русское искусство у профессора Ф.Ф. Горностаева, с которым занимался обмерами архитектурных памятников Москвы»²⁸. В автобиографии архитектор рассказывал о том времени: «Одновременно с учебой исполнял частные заказы мебельных фабрик и кустарных деревообделочных артелей, а также преподавал на воскресных классах Строгановского училища»²⁹. Став художником по прикладному искусству, Николай Петрович в 1907-1912 гг. продолжал свое обучение в Московском Училище Живописи, Ваяния и Зодчества по архитектурному отделению. Работая в качестве помощника у различных зодчих и инженеров, Н.П. Никитин постепенно набирал необходимый опыт и стал заниматься самостоятельной строительной практикой. По его проектам в 1910-1914 гг. были возведены доходный дом С.Г. Милешина у Сухаревской площади в Москве, деревянная дача С.В. Перлова в Сокольниках, художественно-ремесленное училище Московского Пятницкого попечительства о

²⁶ РГИА. Ф. 789 (Академия художеств). Оп. 13. Д. 138. Никитин Николай Петрович. 1914 г. Л. 5.

²⁷ НА РАХ. Ф. 42 (Никитин Н.П.). Оп.1. Д. 2. Автобиография, списки научных работ, научно-реставрационных работ и обмеров архитектурных памятников; перечень научных учреждений и вузов СССР, в которых работал Н.П. Никитин. 1953 г. Л. 1.

²⁸ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2 (Государственная Академия истории материальной культуры (1919-1937)). Оп.3. Д. 790. Никитин Николай Петрович. 1925. Л. 3.

²⁹ НА РАХ. Ф. 42 (Никитин Н.П.). Оп.1. Д. 2. Автобиография... Л. 1.

бедных³⁰, главное здание и парковые павильоны санатория «Надеждино» близ железнодорожной станции Фирсановка³¹. «Все эти частные заработки вместе с преподаванием архитектуры, черчения и рисования дали мне возможность сделать некоторые сбережения для поездки за границу», – вспоминал впоследствии Н.П. Никитин³². В 1913-1914 гг. он посетил Рим, Флоренцию и другие итальянские города, изучая архитектурные памятники.

Свое тридцатилетие – в сентябре 1914 года – Н.П. Никитин встретил зачисленным в Высшее художественное училище при Императорской Академии художеств в Петербурге. Поступив на архитектурное отделение, он стал учеником мастерской профессора М.Т. Преображенского. Годы обучения пришлись на период Первой мировой войны. М.Т. Преображенский и ректор Леонтий Бенуа не раз вынуждены были ходатайствовать перед Управлением воинской повинности об отсрочке призыва для Н.П. Никитина, который, согласно характеристике Л.Н. Бенуа, «заявил себя весьма способным архитектором»³³. 15 декабря 1917 года решением Совета Академии художеств «за отличные познания в архитектуре и в связанных с нею математических и технических науках» Николай Петрович был удостоен звания художника-архитектора,

³⁰ Вероятно, при проектировании и строительстве дачи С.В. Перлова и художественно-ремесленного училища Н.П. Никитин профессионально контактировал с известным московским архитектором, работавшим с семьей Перловых и Пятницким попечительством, К.К. Гиппиусом.

³¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 341 (Ленинградская организация ордена Ленина Союза архитекторов СССР). Оп.3. Д. 304. Николай Петрович Никитин. Л. 3 об.

³² НА РАХ. Ф. 42 (Никитин Н.П.). Оп.1. Д. 2. Автобиография... Л. 1.

³³ РГИА. Ф. 789 (Академия художеств). Оп. 13. Д. 138. Никитин Николай Петрович. 1914 г. Л. 1, 10, 75, 76 об., 78. В конечном итоге, отсрочка была предоставлена до 1 ноября 1917 г.

исполнив под руководством профессора М.Т. Преображенского проект на тему «Военно-исторический музей»³⁴. За этот проект Н.П. Никитин получил право поездки за границу за счет Академии. Революция помешала этому путешествию.

Первые месяцы 1918 года архитектор пытался хоть как-то подзаработать, занимаясь исполнением незначительных частных заказов в Петрограде. Он не бросал и Академию художеств, состоял в граверной мастерской. С мая 1918 по февраль 1919 гг. Н.П. Никитин в Петрограде отсутствовал (можно только предположить, что он пребывал в Москве, в это время там еще была жива его мать, находившаяся у него на иждивении)³⁵. После своего возвращения в начале 1919 года Николай Петрович был зачислен учеником Государственных Свободных Художественно-Учебных мастерских Высшего художественного училища по отделу скульптуры к профессору Е. Малышеву.

Вероятно, в это время Н.П. Никитин старался опекать и М.Т. Преображенский. По-видимому, не без его поддержки Николай Петрович в том же 1919 году стал заведующим Архитектурной секцией Археологического отдела и был командирован во Псков для организации работ по реставрации древних памятников. А будучи официально назначен 15 апреля 1919 года помощником М.Т. Преображенского, Н.П. Никитин принял участие «в техническом обследовании здания Исаакиевского собора, с целью выяснения его осадочного движения»³⁶. В дальнейшем эта проблематика станет основной для

³⁴ Там же. Л. 88 об.-89, 95.

³⁵ Там же. Л. 101, 104.

³⁶ НА РАХ. Ф. 42 (Никитин Н.П.). Оп.1. Д. 2. Автобиография... Л. 2; РО НА ИИМК РАН. Ф. 2 (Государственная Академия истории материальной культуры (1919-1937)). Оп.3. Д. 790. Никитин Николай Петрович. 1925. Л. 3.

научно-исследовательской работы Н.П. Никитина. Провести полноценное исследование в 1919 году оказалось невозможно: в эпоху революции объем государственного финансирования всегда весьма ограничен, а в условиях Советской России на повестке дня и вовсе стоял вопрос о реализации инструкции «О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Она предусматривала не только перечисление в казну хранившихся на счетах сберегательных касс капиталов храмов (капитал Исаакиевского собора в размере 27 тысяч 24 рублей 89 копеек передан в доход казны в октябре 1919 года³⁷), но и возможность передачи церковных построек в пользование группам верующих. Здание Исаакиевского собора оказалось в числе передаваемых.

21 декабря 1919 года между Районным Советом рабочих и крестьянских депутатов 2-го Городского района Петрограда и группой прихожан Исаакиевского собора («двадцаткой») был заключен договор о передаче ей собора в «бессрочное, бесплатное пользование». Представители «двадцатки» брали на себя обязательства «из своих средств производить оплату всех текущих расходов по содержанию храма и находящихся в нем предметов, как-то: по ремонту, отоплению, страхованию, охранению, по оплате долгов, налогов, местных обложений и т.п.»³⁸ За невыполнение этих обязательств договор мог быть расторгнут. Со стороны верующих договор подписало более 30 человек: служащие, артельщики, домохозяйки. Они жили, главным образом,

³⁷ ЦГА СПб. Ф. 56 (Исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Центрального района Ленинграда). Оп. 4. Д. 9. Дело по наблюдению за деятельностью Исаакиевского кафедрального собора (описи имущества, протоколы, списки двадцаток и др.) Л. 11, 12, 16.

³⁸ Там же. Л. 104-104 об., 107.

поблизости от Исаакиевского собора (на Мойке, Большой Морской, Почтамтской, Галерной улицах) и, по-видимому, регулярно посещали храм³⁹.

После заключения договора представители власти определенный интерес к судьбе здания все же сохранили. До 15 ноября 1921 года служащие собора (сторожи, электромонтер, смотритель, вахтер) получали жалованье из средств Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса⁴⁰. При этом можно предположить, поскольку сохранившиеся документы отрывочны, что архитектор собора М.Т. Преображенский продолжал получать жалованье из государственной казны и в 1922 году⁴¹.

В тот год (после окончания Гражданской войны) антицерковная позиция новой власти стала очевидной. 23 февраля было принято постановление ВЦИК «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих». Против изъятия ценностей из Исаакиевского собора выступал М.Т. Преображенский. С высокой степенью уверенности можно утверждать, что именно ему принадлежит соответствующая записка, сохранившаяся в Российском государственном историческом архиве⁴². Не имеющая даты и подписи она содержит ряд указаний на его

³⁹ Там же. Л. 107, 109-116, 118. Всего в предварительном списке прихожан Исаакиевского собора, желавших принять в свое ведение храм, 519 фамилий.

⁴⁰ РГИА. Ф. 502 (Кабинет архитектора Монферрана). Оп. 4. Д. 21. Приказы по Отделу имущества Республики. 1918-1919. Л. 31; РГИА. Ф. 502 (Кабинет архитектора Монферрана). Оп. 4. Д. 33. Списки служащих Исаакиевского собора 1919-1921. Л. 37-38, 43, 47, 54.

⁴¹ Н.П. Никитин в 1920-1923 гг. жил и работал в Калуге. См.: ЦГАЛИ СПб. Ф. 341 (Ленинградская организация ордена Ленина Союза архитекторов СССР). Оп.3. Д. 304. Николай Петрович Никитин. Л. 1 об.

⁴² РГИА. Ф. 502 (Кабинет архитектора Монферрана). Оп. 4. Д. 11. О техническо-художественных совещаниях по делам Исаакиевского собора. 1912-1921. Л.38-41.

авторство. Записка – одна из первых попыток выстраивания аргументированной линии защиты архитектурных памятников дореволюционной эпохи от посягательств молодой советской власти⁴³. Весьма показательна логика изложения аргументов. Порядок приведенных доводов в защиту убранства собора свидетельствует об освоении автором записки политического языка новой власти. Однако трудно скрываемый пафос выступления выдает в авторе человека «старой культуры» и несколько снижает ценность приводимых им аргументов.

В первую очередь, автор подчеркивает *коллективный характер* работы по возведению Исаакиевского собора. «Исаакиевский собор не следует рассматривать как индивидуальное творчество архитектора Монферрана – автора первоначального проекта и строителя собора. Исторические данные свидетельствуют, что творчество это коллективного характера, так как в разработке проекта и создании самого храма принимали участие почти все выдающиеся художественные и технические силы страны, начиная с архитекторов, инженеров, живописцев, скульпторов, мозаичистов и кончая мастерами разных цехов». Собор строил народ – эту мысль, вероятно, пытается донести автор. Но тут же, скорее в стилистике, свойственной XIX веку, чем послереволюционному советскому времени, объявляет собор блестящим результатом «цветущей эпохи строительного искусства классического характера (стиля Империи)».

⁴³ Яркий пример градозащиты в Ленинграде 1920-х гг. – борьба за Александровскую колонну. См.: *Измозик В.С., Лебина Н.Б.* Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве: 1920-1930-е годы: Социально-архитектурное микроисторическое исследование. СПб., 2016. С. 7-38.

Избегая каких бы то ни было упоминаний о том, что в соборе проходят богослужения, о том, что это церковь, М.Т. Преображенский старательно подчеркивает его значение именно как памятника искусства: «...здание собора со всей обстановкой и утварью, выполненное от А до Z по тщательно разработанным чертежам и рисункам известных художников, является наиболее выразительным и грандиозным памятником искусства в России XIX столетия». «Для наблюдения за зданием и охранения его со всей обстановкой и утварью [в] первоначальном виде, дабы сохранить общий ансамбль памятника навсегда неприкосновенным», по словам автора записки, в имперской России было организовано Техническо-Художественное Собрание. Осознавая, что дореволюционный порядок по отношению к собору не может безоговорочно считаться правильным в советских реалиях, М.Т. Преображенский ссылается на артикулированное несколько ранее мнение новой власти. Он апеллирует к уже принятому советской властью решению: «И настоящей властью (Коллегией по делам музеев) собор [...] был отнесен к разряду наиболее ценных музейных сооружений, следовательно, здание Исаакиевского собора как музей монументального характера XIX столетия должен быть сохранен полностью со всей обстановкой и утварью». Стремясь отстоять целостность убранства и не допустить изъятий, архитектор убеждает потенциального читателя записки в том, что подход к собору как к памятнику искусства – это *советский* подход.

Наконец, как последний аргумент против изъятия ценностей автор записки приводит возможную негативную *реакцию международного сообщества*. «Всякое изъятие из здания собора какого-либо предмета будет уже нарушением общего ансамбля грандиозного памятника и

не может остаться незамеченным не только русскими, но и иностранцами, так как в их путеводителях подробно отмечена ценная утварь собора»⁴⁴.

Но все эти предостережения не остановили процесс. 5, 8 и 17 мая в Исаакиевском соборе были изъяты национализированные ранее, согласно декрету «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», церковные ценности, в том числе ряд предметов для совершения богослужений, паникадила и канделябры⁴⁵. Оказалось изъято более 55 кг золота, более 2264 кг серебра, 796 драгоценных камней⁴⁶. М.Т. Преображенский считал необходимым сделать фотографии всех предметов и «ввести [...] в издание, составленное архитектором собора под заглавием “История построения Исаакиевского кафедрального собора с обследованием состояния здания в настоящее время”»⁴⁷. Подобный труд М.Т. Преображенский, как указано выше, подготавливал еще в 1918 году. Теперь же в упомянутой записке он отметил: «Доклад об этом издании в Доме Ученых [...] вызвал полное сочувствие, а в Академии истории материальной культуры – постановление напечатать оный, как только будет закончен»⁴⁸.

В декабре 1922 года М.Т. Преображенский как архитектор собора составил годовой отчет для

⁴⁴ РГИА. Ф. 502 (Кабинет архитектора Монферрана). Оп. 4. Д. 11. О техническо-художественных совещаниях по делам Исаакиевского собора. 1912-1921. Л.38, 39.

⁴⁵ ЦГА СПб. Ф. 56 (Исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Центрального района Ленинграда). Оп. 4. Д. 9. Дело по наблюдению за деятельностью Исаакиевского кафедрального собора (описи имущества, протоколы, списки двадцаток и др.) Л. 125, 129, 135.

⁴⁶ Там же. Л. 143.

⁴⁷ РГИА. Ф. 502 (Кабинет архитектора Монферрана). Оп. 4. Д. 11. О техническо-художественных совещаниях по делам Исаакиевского собора. 1912-1921. Л. 41.

⁴⁸ Там же.

Государственного музейного фонда Петроградского отделения Главного управления научными, научно-художественными и музейными учреждениями (Главнауки) Наркомпроса. Архитектор отмечал, что продолжает «сложную и обширную работу по составлению истории построения Исаакиевского собора и по обследованию состояния здания за последнее время». Кроме того, М.Т. Преображенский указывал, что архивные документы по истории возведения храма (82 книги и 111 бумажных связок) уже вывезены из подвалов здания в Академию истории материальной культуры, и там «организуется [...] кабинет Монферрана, строителя собора, где будут сосредоточены труды его и по другим постройкам». Наиболее значимым пунктом отчета, по-видимому, можно считать сообщение М.Т. Преображенского о том, что им уже разработаны эскизы экспозиции «небольшого музея при самом здании собора»⁴⁹. Это первое (известное на сегодня) упоминание о возможности и желательности организации музея, посвященного Исаакиевскому собору. Михаилу Тимофеевичу Преображенскому принадлежит идея создания музея по истории возведения этого выдающегося памятника зодчества. В отчете за первое полугодие 1923 года М.Т. Преображенский рассказал о сделанном им в начале июня в обществе «Старый Петербург» докладе «об организации музея построения, охраны и поддержания памятника при самом же здании Исаакиевского собора»⁵⁰. Очевидно, зодчий пришел к мысли о необходимости поддержания собора посредством создания музейной

⁴⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 36 (Государственный музейный фонд Ленинградского отделения Главнауки). Оп. 1. Д. 122. Отчеты сотрудника М. Преображенского о работе в Исаакиевском соборе и опись церковного имущества. Л. 7 – 7 об.

⁵⁰ Там же. Л. 8.

структуры. Беспокойство за судьбу памятника в тот момент было естественным: в 1923 году Исаакиевский собор оказался в подчинении представителей обновленческого движения.

Накапливавшиеся на протяжении всего синодального периода внутрицерковные противоречия в эпоху революции вылились в настоящий раскол⁵¹, который советская власть не могла не поддержать⁵². 19 марта 1923 года здание Исаакиевского собора перешло в ведение новой – обновленческой – «двадцатки», сформированной членами группы «Живая церковь»⁵³. Хотя несколько священнослужителей перешли на службу к обновленцам (священник Дмитрий Стефанович, диакон Семен Верзилов), главным образом, в состав новой «двадцатки» вошли прихожане Измайловского собора. Проживавшие в районе нынешних Красноармейских улиц они, вероятно, воспринимали Исаакиевский собор иначе, чем представители прежней «двадцатки»⁵⁴. Можно только предполагать, что они в меньшей степени относились к храму как к *своему*. Во всяком случае, в продолжение нескольких следующих лет «двадцатка» дистанцировалась от необходимых работ по ремонту здания.

⁵¹ *Рогозный П.Г.* Церковная революция 1917 года. Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции. СПб., 2008.

⁵² *Шкаровский М.В.* Советское государство и «советская церковь» // *Шкаровский М.В.* На земле была одна столица... СПб., 2009. С. 406-434.

⁵³ ЦГА СПб. Ф. 56 (Исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Центрального района Ленинграда). Оп. 4. Д. 9. Дело по наблюдению за деятельностью Исаакиевского кафедрального собора (описи имущества, протоколы, списки двадцаток и др.) Л. 186 об., 197.

⁵⁴ Там же. Л. 169, 170.

Уже в мае 1923 года был поставлен вопрос о ремонте крыши⁵⁵, а в июле в интервью «Красной газете» известный инженер, профессор Петр Иванович Дмитриев (1870-1941), до революции преподававший в Академии художеств, и архитектор М.Т. Преображенский в связи с неравномерной осадкой здания заявили о необходимости «обследовать свайные основания и фундаменты собора»⁵⁶. Была отмечена недостаточность отопления памятника: «Своды сыреют, штукатурка местами валится и портятся творения Брюллова и других великих мастеров того времени»⁵⁷. Проблема сохранения столь сложного архитектурно-художественного сооружения в полной мере была осознана именно представителями профессионального сообщества, в первую очередь, архитекторами. В апреле 1924 года «двадцатка» согласилась с настоятельной просьбой Губисполкома (вероятно, в свою очередь, побуждаемого Ленинградским отделением Главнауки) пригласить «для надзора за собором в качестве консультанта» опытного М.Т. Преображенского⁵⁸.

Благодаря в том числе и его активности (на протяжении всех семи лет после революции) в принятом, согласно постановлению СНК РСФСР «Об утверждении списка научных, музейных, художественных и по охране

⁵⁵ Там же. Л. 202.

⁵⁶ П.И. Дмитриев в 1914-1916 гг. уже занимался исследованием неравномерной осадки здания собора, подготовив «400 печатных листов научного материала и 28 листов чертежей». См.: Состояние Исаакиевского собора // Красная газета. Вечерний выпуск. 1923. 27 июля. С. 2

⁵⁷ Цит. по: *Шевчук С.* Эх ты, златоглавый... // Вечерний Ленинград. 1987. 27 июля. № 171 (18261). С. 4.

⁵⁸ ЦГА СПб. Ф. 56 (Исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Центрального района Ленинграда). Оп. 4. Д. 10. Дело по наблюдению за деятельностью Исаакиевского кафедрального собора (список двадцатки, анкета священнослужителя, опись имущества) Л. 8, 10.

природы учреждений, находящихся в ведении Главнауки» от 17 февраля 1925 года, перечне оказался Исаакиевский собор. Включение собора, не означая разрыва действовавшего договора с «двадцаткой», автоматически приводило к повышению внимания Ленинградского отделения Главнауки к самому зданию храма. Уже 11 мая 1925 года М.Т. Преображенский и представитель Реставрационной мастерской Ленинградского отделения Главнауки архитектор Е.И. Катонин произвели технический осмотр собора «на предмет выяснения необходимого ремонта». В результате выяснилось, что кровельное покрытие из листовой меди «во многих местах имеет щели», в частности, повреждение у северо-восточной колокольни «влечет уже теперь разрыхление каменной кладки и грозит разрушением карниза». На колоннаде барабана и на фонарике «вследствие отсутствия деревянных мостков» медное покрытие «стерто в швах подошвами экскурсантов»; швы камней стилобата расходятся; бронзовые базы колонн портиков требуют закрепления⁵⁹. На основании составленного акта осмотра здания было подготовлено Заключение Реставрационной мастерской Ленинградского отделения Главнауки за подписью заведующего мастерской архитектора А.П. Удаленкова (Рис. 3).

Александру Петровичу Удаленкову (1887-1974/1975?) – в первую очередь, в силу его административного положения – выпало сыграть значимую роль в процессе музеефикации Исаакиевского собора во второй половине 1920-х гг. Представляется целесообразным кратко изложить основные вехи биографии архитектора, тем более что каких-либо научных работ о нем до сих пор не создано.

⁵⁹ Там же. Л. 73-73 об.

Второй сын Петра Ивановича и Варвары Михайловны Удаленковых, крестьян деревни Вепрь Константиновской волости Кашинского уезда Тверской губернии, родился 1 (13) апреля 1887 года⁶⁰. В 11-летнем возрасте оказавшись в Петербурге (вероятно, вместе со старшим братом Николаем), Александр стал работать в типографии Экспедиции заготовления государственных бумаг, одновременно посещая вечернюю школу рисования Общества поощрения художеств⁶¹. Летом 1908 года А.П. Удаленков переехал в Одессу и поступил на архитектурное отделение Художественного училища Одесского Общества Изыщных Искусств. В 1910-1911 гг., углубляя свои знания по архитектуре, побывал в Константинополе, Греции, Венеции, Германии⁶², а 4 (17) августа 1912 года, с отличием окончив Одесское училище, подал прошение о зачислении в студенты Высшего художественного училища при Императорской Академии художеств в Петербурге⁶³. В это время Александр Петрович жил в доме 36 по Пряжильной улице (ныне – улица Лабутина), рядом с хорошо знакомым ему зданием Экспедиции заготовления государственных бумаг. Предположительно, позднее, работая над картиной «Остатки старого Петербурга», он вспоминал свой дом на Пряжильной (Рис. 4).

В Академии художеств А.П. Удаленков учился в мастерской Леонтия Бенуа и в 1917 году был удостоен звания художника-архитектора, а за разработанный им

⁶⁰ РГИА. Ф. 789 (Академия художеств). Оп. 13. Д. 114. Удаленков Александр Петрович. Л. 55

⁶¹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2 (Государственная Академия истории материальной культуры (1919-1937)). Оп.3. Д. 675. Удаленков А.П. Л. 23.

⁶² ЦГАЛИ СПб. Ф. 341 (Ленинградская организация ордена Ленина Союза архитекторов СССР). Оп.3. Д. 472. Удаленков Александр Петрович. Л. 14.

⁶³ РГИА. Ф. 789 (Академия художеств). Оп. 13. Д. 114. Удаленков Александр Петрович. Л. 3.

проект на тему «Военно-исторический музей» ему так же, как и Н.П. Никитину тогда же, полагалась зарубежная командировка за счет Академии⁶⁴. Во время революции осуществить эту поездку было невозможно, но еще будучи студентом Александр Петрович побывал в разных уголках Российской империи: он привлекался сотрудниками Императорской Археологической комиссии к делу реставрации разнообразных памятников зодчества. Под руководством Н.Я. Марра в 1913 году работал на раскопках городища Ани. Академик И.А. Орбели вспоминал: «С первых же шагов А.П. Удаленков показал себя с самой лучшей стороны не только как добросовестный, внимательный и до мелочности точный фиксатор состояния изучаемого памятника, но и дал прекрасные проекты восстановления раскапывавшихся памятников средневековой армянской архитектуры»⁶⁵. Известный реставратор, археолог П.П. Покрышкин в 1914 году привлек А.П. Удаленкова к работам в Успенском соборе Московского Кремля⁶⁶, а после революции всячески способствовал его карьере. В 1917 году Александр Петрович стал действительным членом Археологической комиссии (с 1919 года – Государственная Академия истории материальной культуры), а 1 декабря 1918 года был назначен на должность помощника заведующего Археологическим отделом (заведующим был П.П. Покрышкин) при Отделе по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса⁶⁷. В 1921

⁶⁴ Там же. Л. 54.

⁶⁵ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2 (Государственная Академия истории материальной культуры (1919-1937)). Оп.3. Д. 675. Удаленков А.П. Л. 32 об.

⁶⁶ РГИА. Ф. 789 (Академия художеств). Оп. 13. Д. 114. Удаленков Александр Петрович. Л. 34.

⁶⁷ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2 (Государственная Академия истории материальной культуры (1919-1937)). Оп.3. Д. 675. Удаленков А.П. Л. 23;

году А.П. Удаленков возглавлял археологическую экспедицию Академии истории материальной культуры в Самарканд и Бухару, исследовал мавзолеи Шах-и-Зиндэ и Баян-Кули-хан. И начиная с того же 1921 года, стал заведовать Реставрационной мастерской, по его собственному выражению – «руководил делом изучения, научной охраны и реставрации историко-архитектурных сооружений в Северо-Западной, а в дальнейшем – в Ленинградской области»⁶⁸. Директор Центральных реставрационных мастерских И.Э. Грабарь в 1935 году дал А.П. Удаленкову следующую характеристику: «Вдумчивый исследователь, образованный архитектор, археолог-теоретик и практик, вышедший из школы академика Н.Я. Марра, смелый и в то же время осторожный в своих научных выводах, он работал над памятниками зодчества различных эпох и народов, начиная от древних среднеазиатских сооружений и кончая классическими русскими постройками первой половины XIX века. Он вообще один из лучших знатоков архитектурных памятников прошлого, изучивший их одновременно как со стороны историко-художественной и искусствоведческой, так и в плане археолого-технологическом. А.П. Удаленков принимал поэтому самое деятельное участие во всех значительных реставрационных работах, производившихся за время революции на территории Советского Союза. [...] Почти все памятники классицизма в Ленинграде

РГИА. Ф. 502 (Кабинет архитектора Монферрана). Оп. 4. Д. 21. Приказы по Отделу имуществ Республики. 1918-1919. Л. 24.

⁶⁸ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2 (Государственная Академия истории материальной культуры (1919-1937)). Оп.3. Д. 675. Удаленков А.П. Л. 23 об., 37.

реставрировались под непосредственным руководством А.П. Удаленкова»⁶⁹.

Именно Александр Петрович Удаленков в мае 1925 года, ознакомившись с составленным М.Т. Преображенским и Е.И. Катониным актом осмотра Исаакиевского собора, сделал единственно возможный в той ситуации и принципиальный для всей последующей истории памятника вывод: «Производство необходимого большого ремонта сооружения и дальнейшее надлежащее содержание его не может быть исполнено средствами какой бы то ни было двадцатки. Ремонт и поддержание таких художественно-исторических архитектурных памятников мирового значения, как Исаакиевский или Смольный соборы, посильны только государству»⁷⁰.

И тем не менее, А.П. Удаленков обозначил те минимальные работы, которые следовало немедленно выполнить «двадцатке». При этом он полагал правильным ассигновать на этот «самый неотложный текущий ремонт» «ежегодно сумму не менее 1500 руб.». Таким образом, А.П. Удаленков считал возможным систематическое оказание финансовой помощи «двадцатке» со стороны Ленинградского отделения Главнауки с целью сохранения памятника. Такой подход противоречил положению действовавшего договора с «двадцаткой», согласно которому бремя расходов на текущий ремонт здания лежало исключительно на ней. Соответствующее предписание – «приступить немедленно к текущему ремонту» собора – было направлено «двадцатке»

⁶⁹ Там же. Л. 31.

⁷⁰ ЦГА СПб. Ф. 56 (Исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Центрального района Ленинграда). Оп. 4. Д. 10. Дело по наблюдению за деятельностью Исаакиевского кафедрального собора (список двадцатки, анкета священнослужителя, опись имущества) Л. 74.

Ленинградским отделением Главнауки 9 июня 1925 года. Особо оговаривалось, что в случае неисполнения предписания Ленинградское отделение Главнауки «возбудит вопрос о расторжении договора [с «двадцаткой»] и взыскании через суд расходов, связанных с ремонтом собора»⁷¹.

Но ремонта не было. 11 июля 1925 года Ленинградское отделение Главнауки (заведующий – М.П. Кристи, заведующий Отделом по делам музеев Г.С. Ятманов) официально обратилось в Церковный стол Райисполкома Центрального городского района с просьбой «принудить Двдцатку в срочном порядке произвести эти [ремонтные] работы или, в противном случае, расторгнуть договор»⁷². 21 июля в Церковный стол поступило заявление от сторожей Исаакиевского собора, в котором они сообщили о несанкционированном Губисполкомом и Губфинотделом взимании «двадцаткой» «платы по 20 коп. с человека» «за вход на вышку купола собора». Вскоре выяснилось, что всего за десять дней – с 16 по 26 июля – за предоставление «права осмотра колокольни и купола собора» «двадцатка» выручила 399 руб. 29 коп. «Деньги за вход в колокольню сдавались ежедневно на хранение дежурными членами двадцатки, а квитанционные корешки сдавались двадцаткой священнику Стефановичу. Квитанции же бросались гражданами на крышу собора или уносились с собой без всякого контроля»⁷³. Кроме того, стало известно о действовавшей прежде вполне обычной практике взимания «платы за вход на колокольню и купол собора», которую осуществляли девять сторожей здания.

⁷¹ Там же. Л. 74, 77.

⁷² Там же. Л. 107.

⁷³ Там же. Л. 113, 114. «Вышкой» называли фонарик Исаакиевского собора; «колокольней» – колоннаду барабана главного купола.

Получаемая сумма делилась между ними и Приходским советом «двадцатки»⁷⁴. Видимо, решение «двадцатки» изменить этот устоявшийся порядок и взимать плату самостоятельно без посредничества сторожей и обусловило обращение последних в Церковный стол Райисполкома.

Эта ситуация побудила представителей Ленинградского отделения Главнауки 4 августа 1925 года направить в Административный отдел Ленинградского Губисполкома срочное отношение, в котором, в частности, было отмечено: «Группа граждан, получившая по договору в бесплатное пользование Исаакиевский собор и обязанная производить в нем ремонт, такового ремонта, ссылаясь на отсутствие средств, не производит. В то же время находящаяся на куполе собора вышка, усердно посещаемая экскурсантами, эксплуатировалась сторожами собора, и, по их заявлению, несомненно, преуменьшенному, эксплуатация эта приносила им 3000 руб. в год». «Учитывая [...] неимение средств на ремонт у сказанной выше группы граждан, а также отсутствие дотации на реставрацию собора из государственных средств, так как памятник этот предоставлен для культовых действий», представители Главнауки ходатайствовали о передаче в ведение ее Ленинградского отделения эксплуатации колоннады и фонарика собора с тем, чтобы получаемую от продажи билетов сумму направлять на ремонтно-реставрационные работы⁷⁵. Это предложение было реализовано с декабря 1925 года и, конечно, вызвало обеспокоенность «двадцатки»: по факту под перманентным контролем представителей

⁷⁴ Там же. Л. 114.

⁷⁵ Там же. Л. 121.

Ленинградского отделения Главнауки оказались и здание, и сами члены общины.

Неудовольствие самим фактом эксплуатации смотровой площадки фонарика собора Главнаукой наиболее ярко выразила член президиума «двадцатки», заместитель председателя Приходского совета Наталья Николаевна Наумова⁷⁶. В заявлении, направленном 6 июля 1926 года в Исполком Центрального района, она отмечала полное отсутствие ремонта в соборе в текущем году, «усиленную эксплуатацию вышки» (с 9 до 21 часа), солидные доходы от нее Главнауки, расход этих средств «понапрасну» и объясняла, что «двадцатка» готова сама заниматься сохранением памятника, но не может «только потому, что она лишена возможности использовать те большие средства, которые имеются в самом соборе на его нужды»⁷⁷. В пришедшем из Административного отдела Ленгубисполкома ответе Н.Н. Наумову как будто мягко одернули: «Изложенное Вами не соответствует действительности». Кроме того, было отмечено, что, поскольку «двадцатка» не оплачивает даже счета за электроэнергию (освещение храма), передача в ее ведение эксплуатации вышки является «совершенно нецелесообразной, а для сохранности собора даже невыгодной». По-видимому, сгоряча, Н.Н. Наумова направила весьма резкий ответ в адрес Административного отдела. Она назвала «претензию на то, что 20-ка не производила ремонта собора» «странной»,

⁷⁶ В годы Первой мировой войны Н.Н. Наумова – сестра милосердия; в 1926 г. проживала на ул. Гоголя, 21.

⁷⁷ ЦГА СПб. Ф. 56 (Исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Центрального района Ленинграда). Оп. 4. Д. 10. Дело по наблюдению за деятельностью Исаакиевского кафедрального собора (список двадцатки, анкета священнослужителя, опись имущества) Л. 223-223 об.

заявила, что Главнаука «должна производить ремонт и охрану», и, наконец, прямо отметила, что вопрос об Исаакиевском соборе освещен «неправильно». Вряд ли такая риторика могла содействовать «двадцатке». Как ее представитель Н.Н. Наумова обязана была знать условия действовавшего договора, согласно которым ремонтом и поддержанием памятника должна заниматься именно община. Но нельзя не согласиться с высказанным ею тезисом, что «ремонт собора требует колоссальных сумм»⁷⁸. Сам характер повреждений памятника свидетельствовал об этом.

Они были зафиксированы 8 сентября 1926 года специально созданной Ленинградским отделением Главнауки Комиссией по обследованию общего состояния Исаакиевского собора. В состав Комиссии входили сотрудники Академии истории материальной культуры, Управления Дворцов-Музеев, Реставрационной мастерской Ленинградского отделения Главнауки. Архитектор О.М. Равицкая подробно описала состояние памятника: «От сильнейших протечек крыши на парусах левого придела, а также на остальных сводах и куполах, покрытых живописными плафонами, видны значительные утраты живописи... Собор настолько промок от протечек, отсутствия достаточной естественной вентиляции и отсутствия отопления за эти годы, что несмотря на то, что в текущем году приступили ранней весной, когда снег еще лежал, к проветриванию, вместе с тем в соборе с наступлением тепла стояли лужи. При обследовании мозаик и живописи почти все были покрыты налетом плесени... Слабые прожилки и стукочки мраморных внутренних облицовок от намокания и замерзания стали отпучиваться и осыпаться...

⁷⁸ Там же. Л. 224-224 об., 231.

Рис. 1. М.Т. Преображенский

Рис. 2. Н.П. Никитин
(фото 1950-х гг., ЦГАЛИ СПб, публикуется впервые)

Рис. 3. А.П. Удаленков
(фото 1950-х гг., ЦГАЛИ СПб, публикуется впервые)

Рис. 4. Дом 36 по ул. Лабутина и картина А.П. Удаленкова «Остатки старого Петербурга»

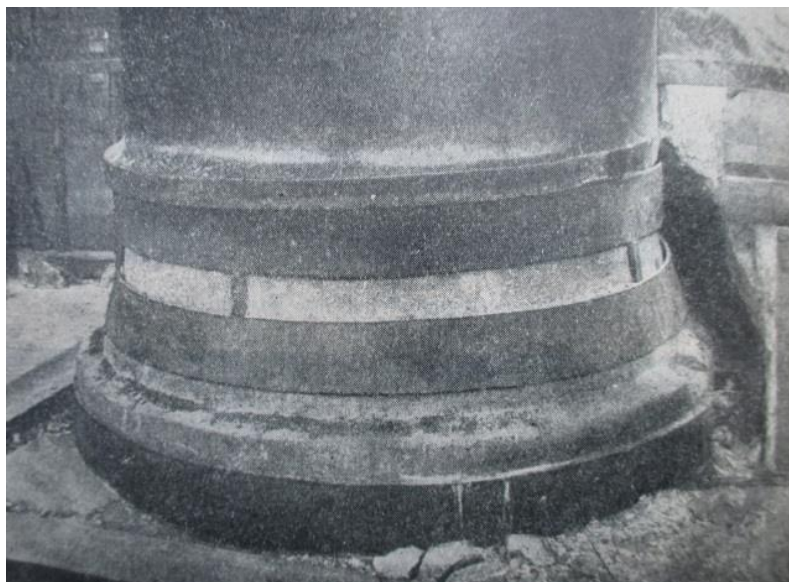
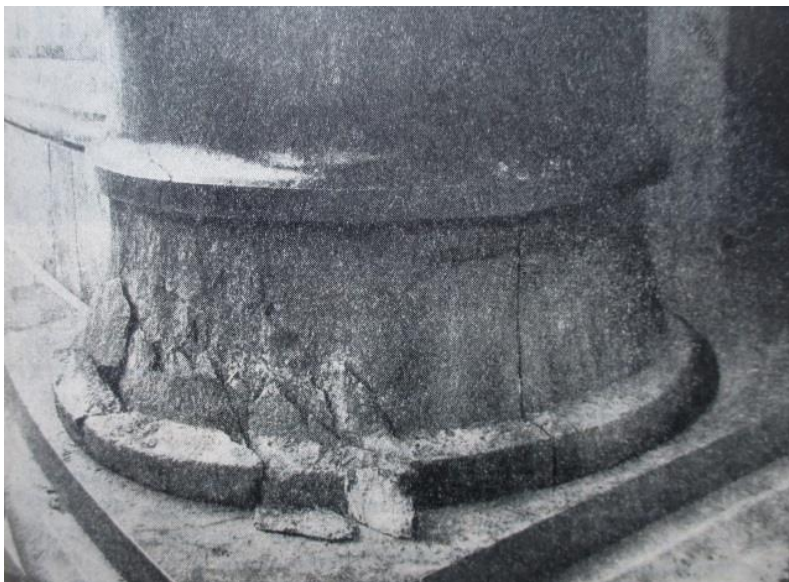

Рис. 5. Состояние оснований колонн портиков до и в процессе ремонтно-реставрационных работ под руководством Н.П. Никитина в 1927-1928 гг.

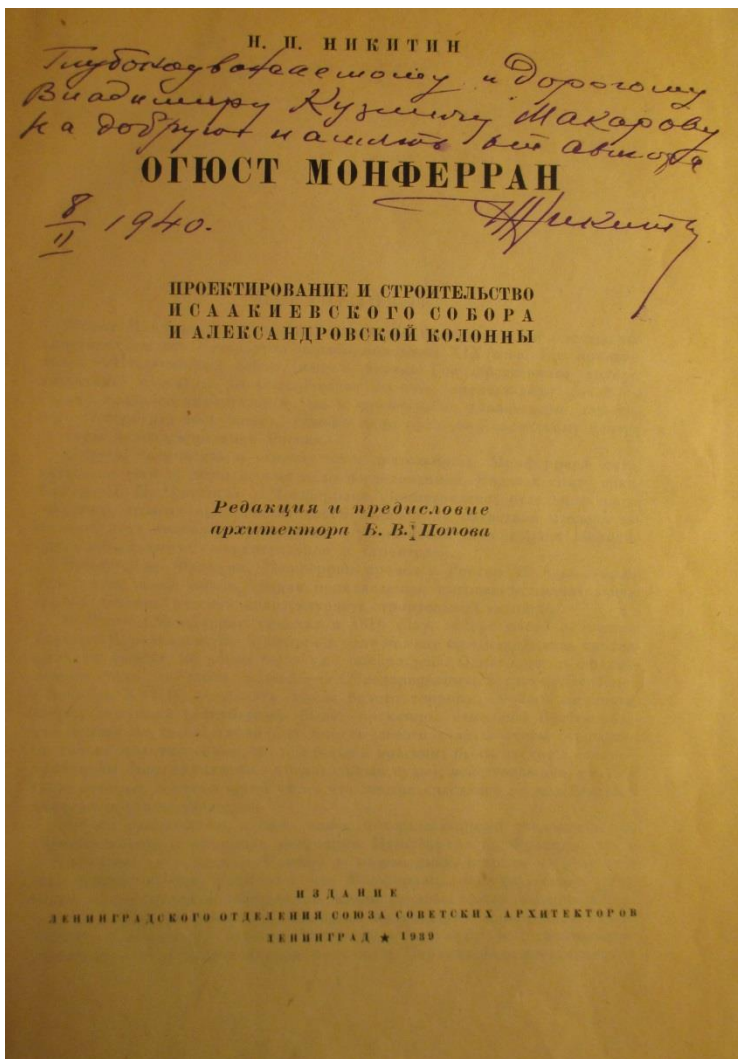

Рис. 6. Титульный лист монографии Н.П. Никитина (экземпляр, подаренный В.К. Макарову (1885-1970), известному искусствоведу, в 1920-1927 гг. занимавшему должность директора Гатчинского дворца-музея)

На снимке: доцент Н. П. Никитин (в центре) проверяет дипломную работу студента строительного факультета тов. С. Пашченко (справа), слева на снимке дипломник тов. С. Ильин

Рис. 7. Фото Н.П. Никитина из газеты «Наш путь» (Орган партбюро, дирекции и профкома ЛИИЖТа)
(1941, № 23, 17 июня)

Исаакиевский собор (≈ 1920-е гг.)

В мраморных модульонах на карнизе собора наблюдается большое количество трещин... Проходы подвала загромождены... В кладовых с открытыми настежь поврежденными дверями валяется всякий хлам и бумажный мусор. Уборные и водопровод испорчены и в антисанитарном состоянии. [...] Собор как внутри, так и снаружи содержится очень грязно». О.М. Равицкая констатировала: «Из всего вышеизложенного видно, что духовенство, извлекая доходы, ничего не затрачивало на содержание памятника». Прозвучала мысль о музеефикации собора.

Профессор П.И. Дмитриев высказал идею образования «особой комиссии для продолжения научного обследования и технического надзора» за памятником. В ее состав, помимо самого П.И. Дмитриева, должен был войти его коллега по Академии художеств, лучший знаток Исаакиевского собора в тот период – профессор Михаил Тимофеевич Преображенский!⁷⁹ Достаточно пожилой (в октябре 1926-го – ему 72 года) М.Т. Преображенский, вероятно, посчитал правильным привлечь к работам по собору, как и в 1919 году, своего ученика, 42-летнего Николая Петровича Никитина, ставшего уже вполне зрелым зодчим. В 1921-1923 гг. Н.П. Никитин состоял Калужским губернским архитектором (спроектировал Скаковой павильон в Калуге, хозяйственные постройки в совхозах губернии и т.п.⁸⁰), а с мая 1923 года, вернувшись в Петроград, был приглашен на должность хранителя Елагиноостровского дворца-музея и занимался организацией «Музея островов». С подачи тех же П.И. Дмитриева и М.Т. Преображенского 2 марта 1925 года

⁷⁹ Там же. Л. 307-307 об.

⁸⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 341 (Ленинградская организация ордена Ленина Союза архитекторов СССР). Оп.3. Д. 304. Николай Петрович Никитин. Л. 5.

Николай Петрович был избран научным сотрудником Российской Академии истории материальной культуры⁸¹. Теперь же – осенью 1926 года – он стал хранителем созданного Ленинградским отделением Главнауки скорее на бумаге, чем в реальности «Управления Исаакиевского собора-музея».

Вероятно, уже даже один факт образования такого «Управления» заставил «двадцатку» начать срочный поиск возможностей для сохранения Исаакиевского собора за собой. Дальнейшее пренебрежение обязанностью ремонтировать здание казалось чревато расторжением действовавшего договора. С заявлением о необходимости увеличить средства на содержание собора, найти новые источники дохода, «для того, чтобы справиться с неотложными расходами по содержанию собора» на заседании «двадцатки» 5 декабря 1926 года выступила Мария Николаевна Попова. До революции – служащая в банке, теперь – пенсионер, проживавшая на 8-й Советской улице, М.Н. Попова, видимо, переживая за судьбу храма и трезво оценивая перспективы «двадцатки», выдвинула идею «взимать входную плату с граждан, осматривающих собор во внебогослужебное время (с 12 до 6 часов вечера)»⁸². Обсуждалась и возможность организации в соборе «платного концерта в декабре месяце».

Активизация «двадцатки», естественно, привела и к более активным действиям Главнауки. Так, 28 декабря

⁸¹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2 (Государственная Академия истории материальной культуры (1919-1937)). Оп.3. Д. 790. Никитин Николай Петрович. 1925. Л. 1, 3.

⁸² ЦГА СПб. Ф. 56 (Исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Центрального района Ленинграда). Оп. 4. Д. 10. Дело по наблюдению за деятельностью Исаакиевского кафедрального собора (список двадцатки, анкета священнослужителя, опись имущества) Л. 288 об.

1926 г. в Президиум Исполкома Центрального района было направлено отношение с призывом расторгнуть договор с общиной. В частности, указывалось: «Неоднократные напоминания двадцатке о лежащих на ней обязанностях не дали осязательных результатов. [...] Маломощная двадцатка ложится тяжелым бременем на бюджет Главнауки; она ничем помочь не может, а только ухудшает состояние храма»⁸³. В результате будущее Исаакиевского собора стало предметом обсуждения в городских инстанциях.

После того, как в Президиум Ленинградского Губисполкома было направлено заключение его Административного отдела, рекомендовавшего, чтобы «действительно сохранить в должном порядке Исаакиевский собор как художественно-исторический памятник», передать здание Главнауке для организации музея, «двадцатка» 20 февраля 1927 года провела общее собрание своих членов. Обсуждалось современное состояние памятника, причем представители «двадцатки» прямо признали, что «он нуждается в лучшем, более внимательном попечении со стороны тех, кому это вверено». Парадоксально, но члены общины были убеждены, что *Главнаука* «недостаточно интенсивно выполняет принятые на себя обязательства». Что же представлял собой Исаакиевский собор зимой 1927 года? Чрезвычайно важно подробно процитировать сохранившийся протокол этого заседания «двадцатки», поскольку он дает возможность увидеть аварийное состояние собора глазами членов общины, прихожан. Это их свидетельство, фактически расписка в собственной несостоятельности. «Двадцатка» отмечала: «До сих пор не приняты меры, чтобы вставить выбитые в храме и в

⁸³ Там же. Л. 298.

куполе стекла (несмотря на то, что стекло для одного из нижних окон у 20-ки имеется и Главнауке это указано), и собор всю зиму остается с выбитыми и не вставленными стеклами. Отапливается собор плохо (исправлены и топят лишь несколько печей, не более четвертой части всех имеющихся) и с перебоями, так как своевременно дрова не доставляются, и по три, по четыре дня собор не отапливается вовсе, вследствие чего температура всю зиму стоит 1 и 1,5 градуса выше нуля. В подвале часто стоит вода, появляющаяся там то из-за замерзших по недосмотру труб, то от других тому подобных причин»⁸⁴. На заседании было принято решение «послать в Исполком объяснение о деятельности 20-ки и о бездействии Главнауки, которая взяла ведение хозяйства в свое ведение»⁸⁵.

Ответ со стороны Главнауки в Административный отдел Ленгубисполкома последовал 16 марта 1927 года. Заместитель Уполномоченного Наркомпроса по рабфакам, научным, научно-художественным и музейным учреждениям Ленинграда С. Подольский заявил о неправильном понимании «двадцаткой» «фактического положения дела и о причислении ею Главнауки к соарендаторам храма». С. Подольский указывал: «Не может быть поставлен вопрос о каких-то взаимоотношениях между Главнаукой и двадцаткой. Главнаука не входила ни в какие обязательства с двадцаткой, а потому желание двадцатки переложить те расходы, которые она обязана нести, на Главнауку не

⁸⁴ ЦГА СПб. Ф. 56 (Исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Центрального района Ленинграда). Оп. 4. Д. 11. Дело по наблюдению за деятельностью Исаакиевского кафедрального собора (списки двадцатки, протоколы, финансовые отчеты и др.). Л. 27.

⁸⁵ Там же. Л. 27 об.

вытекает ни из существа договора, и вообще не может иметь никакого законного основания»⁸⁶.

Содержавшиеся в протоколе заседания «двадцатки» конкретные замечания по состоянию памятника, по сути обвинения специалистов Главнауки в попустительстве дальнейшему разрушению собора, разобрал и отверг в своем отношении в Губисполком Н.П. Никитин. Этот документ позволяет увидеть живого человека, страстного, резкого, но, вместе с тем, профессионала, искренне переживавшего за судьбу памятника, верного своему учителю, М.Т. Преображенскому, который долгие годы старался сберечь собор. Н.П. Никитин писал: «По смыслу договора, заключенного с 20-кой, ремонт собора и его отопление лежали на обязанности 20-ки, между тем 20-ка не предпринимала никаких мер к ограждению собора от влияния наружных осадков и не отапливала его, почему Управлением Собора был предпринят ряд мер для сохранения этого ценного памятника архитектуры. Средствами Л.О. Главнауки был произведен ремонт кровли собора, ремонт водопровода, бездействовавшего много лет, ремонт калориферов и пр. [...]

В виду того, что 20-кой Собор не отапливался много лет, что стены его значительно просырели и, на сохранности живописи, облицовок и прочем вызывая отпотевание и капель (*sic* – О.Л.), топку было предположено вести в первую зиму с таким расчетом, чтобы только поддерживать температуру собора на 1-2 градуса выше нуля. Таким образом, отопление ведется ежедневно, температура воздуха записывается в особый журнал и измеряется степень влажности воздуха, и как видно из ежедневных записей, влажность воздуха постепенно уменьшается, т.е. принятая система

⁸⁶ Там же. Л. 31.

правильна. Подвалы приведены в полный порядок, равно как и помещающиеся там уборные, сырость отсутствует. Если были вначале прорывы водопроводных труб после пуска в них воды, то это вполне объясняется тем обстоятельством, что водопроводная сеть была запущена той же 20-кой. Нахождение 20-ки в соборе с постоянным открыванием дверей во время служб, иногда на долгое время, [...] парализует усилия Управления поддерживать одинаковую температуру помещения и, конечно, вредно отражается на сохранности живописи и отделки собора. Недостающее стекло, имеющееся у 20-ки, может быть вставлено только весной, и отсутствие его никакого значения не имеет, так как это стекло внутреннее, за которым имеется рама с целыми стеклами, как и в барабане. В общем выходит, что 20-ка не только не несет никаких расходов по содержанию, охране, ремонту и отоплению занимаемого ею помещения, но еще считает для себя возможным делать указания Управлению собора в вопросах, в которых совершенно некомпетентна, не считаясь с тем, что в штате Управления состоит такое высококомпетентное лицо как проф. М.Т. Преображенский, ведавший собором свыше 30 лет, знающий собор от подошвы фундамента до верхушки креста. Несомненно, что за продолжительное время, пока собор стоял без ремонта, в нем накопилось много дефектов, учтенных Управлением, но также очевидно, все эти дефекты [...] не могут быть сразу исправлены.

Несомненно только одно, что, если бы 20-ка выручаемые от вышки деньги тратила на ремонты собора, то этих дефектов было бы значительно меньше, и Управлению не пришлось бы иметь дело со столь запущенным зданием»⁸⁷.

⁸⁷ Там же. Л. 32.

Эти разъяснения С. Подольского и Н.П. Никитина, судя по всему, ускорили ожидавшееся решение. 26 марта 1927 г. Президиум Ленинградского Совета постановил «договор на пользование зданием Исаакиевского собора с существующей двадцаткой расторгнуть»⁸⁸. «Двадцатка» это решение опротестовала, подав соответствующее ходатайство во ВЦИК⁸⁹.

В условиях неопределенности будущего статуса собора Н.П. Никитин как хранитель памятника продолжал неустанно требовать от «двадцатки» выполнения ею обязанностей по поддержанию здания. Так, 8 июня 1927 г. он обратил внимание церковной общины «на запущенное состояние внутри собора: на всех карнизах, поясках и выступах мраморной облицовки [...] лежит толстым слоем пыль и грязь; в углах и темных частях паутина; стекла грязные, и поэтому темнота от этого еще более увеличивается [...], надлежит немедленно устранить указанное»⁹⁰. На ближайшем заседании «двадцатки» 30 июня обращение Н.П. Никитина не только не рассматривалось, но и в принципе текущее состояние памятника не обсуждалось. Через месяц – 27 июля – когда стало ясно, что «двадцатка не выполняет свои обязанности не только по ремонту, отоплению и охране собора, но даже не приводит в порядок внутренности его, находящейся в запущенном и грязном состоянии», Н.П. Никитин решил обратиться в Исполком Центрального района. Он потребовал принять меры по отношению к общине, принудить ее «озаботиться заготовкою топлива [...], наймом истопников [...], наймом сторожей». При этом архитектор посчитал уместным даже пригрозить районной инстанции: «Если Райисполком не

⁸⁸ Там же. Л. 46, 49.

⁸⁹ Там же. Л. 73.

⁹⁰ Там же. Л. 85.

принудит двадцатку собора отапливать собор, то вся ответственность за могущие произойти от отсутствия или недостаточности отопления собора последствия ляжет целиком на Райисполком Центрального Городского района, сдавший двадцатке собор и заключивший с ней соответствующий договор»⁹¹. Это ходатайство возымело определенный эффект: Стол Регистрации Обществ и Союзов Центрального Района 1 августа потребовал от «двадцатки» «приступить к очистке пыли [...], чтобы предотвратить дальнейшее разрушение храма, а также озаботиться о заготовке топлива»⁹².

Не предпринимая вменяемых ей в обязанность действий, «двадцатка» будто бы ожидала решения ВЦИК РСФСР. Оно последовало 25 июля 1927 г.: «Постановление Президиума Ленинградского Губисполкома [...] отменить. Здание собора оставить в пользовании верующих»⁹³. Чем была вызвана отмена постановления, достоверно определить сложно. Нельзя исключать, что на решение повлияло развитие внутрипартийной борьбы с «зиновьевской оппозицией» – идея закрытия Исаакиевского собора для богослужений могла трактоваться как порожденная кадрами отставленного Г.Е. Зиновьева. Могли быть и другие причины, в том числе касавшиеся возможных дальнейших отношений советского государства и православной церкви. Уже 29 июля последовала знаменитая т.н. Декларация митрополита Сергия, свидетельствующая о лояльности церкви к советской власти, о готовности к сотрудничеству. В этих реалиях немедленная музеефикация собора представлялась политически несвоевременной.

⁹¹ Там же. Л. 106, 107.

⁹² Там же. Л. 112.

⁹³ Там же. Л. 104.

После того, как в правительственных органах Ленинграда стало известно о постановлении ВЦИК, 22 августа 1927 года состоялось очередное собрание «двадцатки». Члены общины, на протяжении нескольких месяцев находившиеся в неведении о судьбе храма, теперь ясно осознали «необходимость изыскания новых источников средств на содержание собора». Поэтому ими было принято решение «обратиться с ходатайством к [...] властям разрешить 20-ке взимать плату за осмотр собора внутри, обратиться с письменными воззваниями ко всем гражданам прийти материальными средствами на помощь делу сохранения Исаакиевского собора как исторической и музейной ценности» и даже организовать «Общество Ревнителей сохранения Исаакиевского собора»! Более того, 1 сентября представители общины выказали готовность «приступить к внутренней очистке собора»⁹⁴. Но в этот момент здание уже требовало внимания и вмешательства профессионалов.

8 октября 1927 года Н.П. Никитин (хранитель Исаакиевского собора-музея), М.Т. Преображенский (в качестве консультанта), А.П. Удаленков (заведующий Ленинградской государственной реставрационной мастерской Главнауки), профессор П.И. Дмитриев и ряд других специалистов, инженеров и архитекторов, произвели осмотр портиков собора «вследствие заметного увеличения трещин в нижней части колонн»⁹⁵. У нескольких гранитных колонн, когда после снятия бронзовых баз «представилась возможность осмотреть частично низы», «оказались трещины и в гранитных фундаментных их частях». По мнению комиссии, трещины были обусловлены продолжавшейся

⁹⁴ Там же. Л. 116 об., 132 об.

⁹⁵ *Никитин Н.П.* Огюст Монферран. Проектирование и строительство Исаакиевского собора и Александровской колонны. Л., 1939. С. 205-206.

неравномерной осадкой собора (более медленной осадкой портиков по сравнению с более быстрой осадкой основного объема здания). Она вызывала «небольшой наклон колонн» и тем самым заставляла их «опираться на фундаменты не полным своим основанием, а лишь ребром». Поскольку комиссия считала «положение для некоторых колонн угрожающим их целости», требовался детальный систематический осмотр оснований всех колонн, демонтаж баз и капителей⁹⁶. В связи с этим аварийным состоянием собора произошли изменения внутри структуры Ленинградского отделения Главнауки: Управление Исаакиевского собора-музея было ликвидировано, а памятник с 15 октября 1927 г. оказался в ведении Ленинградской государственной реставрационной мастерской⁹⁷.

Непосредственно ремонтно-реставрационные работы велись в 1927-1928 гг. под руководством Н.П. Никитина. Архитектор вспоминал: «Для выявления тех колонн, которые дали наибольшее отклонение от вертикали, а также для того, чтобы получить полную картину деформаций, характеризующую общее движение здания, в 1927 году были произведены инструментальная съемка и графическая фиксация всех [...] деформаций»⁹⁸. Выяснилось, что «осадочное движение здания направлено

⁹⁶ ЦГА СПб. Ф. 56 (Исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Центрального района Ленинграда). Оп. 4. Д. 11. Дело по наблюдению за деятельностью Исаакиевского кафедрального собора (списки двадцатки, протоколы, финансовые отчеты и др.). Л. 211.

⁹⁷ Там же. Л. 236; ЦГАЛИ СПб. Ф. 330 (ГМП «Исаакиевский собор»). Оп. 1. Д. 4. Описание экспонатов выставки по истории строительства Исаакиевского собора. Л. 6.

⁹⁸ *Никитин Н.П.* Огюст Монферран. С. 206. Съемку осуществляли инженер-геодезист С.М. Брежинский и техник А.И. Цыбаев. См.: ЦГАЛИ СПб. Ф. 330 (ГМП «Исаакиевский собор»). Оп. 1. Д. 1. Сметы на реставрационные работы. 1927. Л. 7-8.

с востока на запад и одновременно с севера на юг», разница между нивелировочными отметками в северо-восточной и юго-западной частях собора составила 47 см. Щели в основаниях наиболее поврежденных четырех колонн северного и южного портиков, «заделанных в углы колоколен», были забетонированы, а сами основания стянуты железными хомутами⁹⁹ (Рис. 5).

Выявленное в октябре 1927 года тяжелое состояние собора, вызвав большую озабоченность реставраторов, вновь обострило вопрос об обеспечении сохранности памятника церковной «двадцаткой». 18 ноября 1927 г. А.П. Удаленков как заведующий Реставрационной мастерской и И.И. Корель от Ленинградского отделения Главнауки обратились в Ленгубисполком с просьбой «срочно принять самые энергичные меры для сохранения от гибели ценного архитектурного сооружения». Было отмечено, что «двадцатка» «упорно не желает выполнять своих обязательств», с июля «не предпринято никаких мер по закупке топлива и найму истопников», на отопление тратит значительные средства Главнаука, а они могли бы идти на ремонт «обнаружившихся дефектов в колоннах». Этот ремонт, как подчеркивали А.П. Удаленков и И.И. Корель, необходим, поскольку состояние собора «можно считать угрожающим общественной безопасности»¹⁰⁰. Неудивительно, что уже 21 декабря 1927 г. это ходатайство А.П. Удаленкова и И.И. Кореля было пе-

⁹⁹ *Никитин Н.П.* Огюст Монферран. С. 210-212, 215, 221. Хомуты изготовлены из сталистого железа. См.: *Кузьменко Д.* Из истории реставрации Исаакиевского собора // Выборг. 2016. № 16 (17564). 19 февраля. Эл.ресурс: <http://www.gazetavyborg.ru/article.php?table=events&item=39793270&album=null> (Дата обращения: 22.03.2017)

¹⁰⁰ ЦГА СПб. Ф. 56 (Исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Центрального района Ленинграда). Оп. 4. Д. 11. Дело по наблюдению за деятельностью Исаакиевского кафедрального собора (списки двадцатки, протоколы, финансовые отчеты и др.). Л. 227.

редано в Секретариат Председателя ВЦИК¹⁰¹.

Пока судьба собора в очередной раз решалась в Москве, ленинградские архитекторы-реставраторы должны были неустанно поддерживать удовлетворительное состояние памятника, регулярно вступая в переписку с общиной храма. 6 января 1928 года А.П. Удаленков обратился к «двадцатке» с предложением «озаботиться выполнением работ по уборке снега вокруг собора». Но снег все лежал и лежал. 25 января и 21 февраля архитектор вынужден был обращаться в Административный отдел Ленгубисполкома с просьбой «побудить 20-ку [...] к уборке снега с панелей вокруг собора и на папертях его»¹⁰². При этом, необходимо заметить, «двадцатка» уже считала для себя возможным уведомлять Реставрационную мастерскую о своих планах и действиях. Так, ее члены, наметив провести крестный ход 19 января 1928 г., интересовались возможностью открыть большие западные двери собора. А.П. Удаленков и Н.П. Никитин в своем ответном отношении отреагировали на желание общины, указав, что «с открытием дверей температура, безусловно, упадет, и что для ее восстановления потребуется усиленная топка», поэтому архитекторы настоятельно советовали «двадцатке» (хотя бы частично) финансово поучаствовать в закупке дров¹⁰³. Но материальное положение общины оставляло желать лучшего, в феврале 1928 г. члены «двадцатки» даже просили причт «напоминать прихожанам о нуждах собора»¹⁰⁴. В этих условиях заботиться о здании в принципе было невозможно.

¹⁰¹ Там же. Л. 239.

¹⁰² Там же. Л. 243, 273.

¹⁰³ Там же. Л. 253.

¹⁰⁴ Там же. Л. 272 об.

18 июня 1928 года Президиум ВЦИК постановил передать Исаакиевский собор «в исключительное пользование Главнауки НКПроса РСФСР в качестве музейного памятника»¹⁰⁵. 12 июля в Райсовет Центрального района было направлено предписание расторгнуть договор с «двадцаткой», передав собор и имущество Управлению Уполномоченного Наркомпроса, а имущество, не представлявшее историко-художественного значения, в Госфонд для реализации. Соответствующие акты приема-передачи как архитектор Реставрационной мастерской Главнауки 16-17 июля подписывал Н.П. Никитин. Свою подпись под актом о передаче имущества в Госфонд (передавалась серебряная утварь, церковные облачения и т.п.) Н.П. Никитин, словно для потомков, оговорил особо: «Архитектор Главнауки Н.П. Никитин (см. примечание). Примечание: На основании постановления СНК РСФСР о сосредоточении в Наркомпросе 60% сумм от реализации Госфондов немусейного значения от 7/IV. 25 г., опублик. в Вестнике Ленингр.Сов. от 6/V. 25 г. №35-36»¹⁰⁶. Архитектор будто оправдывал свою подпись, объяснял ее появление, надеясь, что вырученные от продажи этих предметов деньги пойдут на реставрацию собора и подготовку музейной экспозиции.

Организовать экспозицию также предстояло сотрудникам Реставрационной мастерской во главе с А.П. Удаленковым. Поскольку в мастерской работали профессиональные архитекторы, то и «предполагалось

¹⁰⁵ Там же. Л. 314.

¹⁰⁶ Там же. Л. 316. Речь идет о декрете СНК РСФСР от 7 апреля 1925 г. «О предоставлении Народному Комиссариату Просвещения по Главнауке сосредоточения всех сумм, отчисляемых от реализации государственных фондов немусейного значения, изъятых из музеев дворцов и прочих памятников».

показывать собор как исторический архитектурный памятник»¹⁰⁷. Непосредственно работу по формированию экспозиции проводил Н.П. Никитин. Подготовленный им план временной выставки, посвященной проектированию, строительству и созданию внутреннего убранства собора, был в целом одобрен на заседании Реставрационной мастерской 11 сентября 1928 года¹⁰⁸. Н.П. Никитин предлагал знакомить посетителей выставки с историей возведения здания, используя модели, чертежи, сметы, уделяя особое внимание биографиям «строителей собора» – архитекторам, художникам, скульпторам. Планировалось осветить значимые инженерно-технические вопросы, касавшиеся создания фундамента, установки колонн, конструирования перекрытий. Более того, архитектор полагал возможным, допуская посетителей будущего музея на смотровую площадку фонарика собора, знакомить их с историей градоразвития, этапами застройки Ленинграда¹⁰⁹. Можно предположить, что Н.П. Никитин лично представлял будущий музей в Исаакиевском соборе как историко-художественный, скорее, архитектурно-строительного профиля.

Для организации выставки осенью 1928 года из музея Института путей сообщения, музея Академии художеств, Академии истории материальной культуры, Эрмитажа в собор были переданы важные делопроизводственные документы, чертежи, эскизы, модели, мозаики, скульптурные портреты – всего 221

¹⁰⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 330 (ГМП «Исаакиевский собор»). Оп. 1. Д. 4. Описание экспонатов выставки по истории строительства Исаакиевского собора. Л. 4.

¹⁰⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. 330 (ГМП «Исаакиевский собор»). Оп. 1. Д. 2. Протокол совещания комиссии по организации музея; акты работ по организации выставки. Л. 9.

¹⁰⁹ Там же. Л. 8.

экспонат¹¹⁰. В ноябре и декабре 1928 г. Н.П. Никитин провел ряд ознакомительных экскурсий по сформировавшейся выставке сотрудникам Управления Уполномоченного Наркомпроса в Ленинграде, в том числе инспектору музеев Г.С. Ятманову. «При осмотре т. Ятмановым устраиваемой мной выставки, – как позже писал Н.П. Никитин, – а также и в другое время им не было сделано мне никаких замечаний и не внесено никаких корректив как в экспозицию материала, так и в план выставки»¹¹¹. Замечания последовали 9 января 1929 г., когда по инициативе Управления Уполномоченного Наркомпроса в Ленинграде состоялось специальное заседание по вопросу об открытии выставки. Участниками совещания от Обл. Политпросвета, Ленинградского областного совета профсоюзов, Центрального Совета Союза Безбожников было отмечено «отсутствие антирелигиозного материала» на выставке и высказано «пожелание о проведении принципа противопоставления каждому художественному экспонату экспоната антирелигиозного». Хранитель музея Академии художеств В.Г. Самойлов указал на «желательность скорейшего дополнения выставки экспонатами, делающими выставку подходящей для массовой работы». Н.П. Никитин парировал это замечание, указав на общедоступность выставки, «так как экспонаты специального характера разбавлены чисто показательными изображениями хода работ по постройке собора». А.П. Удаленков как заведующий реставрационной мастерской и непосредственный начальник Н.П. Никитина, разделяя с ним ответственность за подготовленную экспозицию, достаточно резко и провокативно предложил оценить,

¹¹⁰ Там же. Л. 5-7 об., 14, 19-23; 45.

¹¹¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 330 (ГМП «Исаакиевский собор»). Оп. 1. Д. 4. Описание экспонатов выставки по истории строительства Исаакиевского собора. Л. 3.

«является ли необходимой настоящая выставка и считать ли ее обязательной частью будущего музея»¹¹². Если выставка представляет собой «ценность как учебно-показательный материал», то, по мнению архитектора, стоит рассмотреть вопрос о возможности открытия собора «для специальных экскурсий». Кроме того, А.П. Удаленков, словно воспринимая собор как законченное произведение искусства, поставил вопрос «об открытии собора без какой-либо выставки [...] для культурно-просветительной работы». В конечном итоге участники заседания признали выставку «ценной и подлежащей включению в будущий музей», но в то же время «недостаточной для открытия собора на предмет обозрения его широкими народными массами»¹¹³. Труд Н.П. Никитина, стремившегося подчеркнуть значение собора как памятника искусства, избежать политизации, создать полноценную, насыщенную музейными предметами экспозицию, оценен не был. А было решено реорганизовать экспозицию, сделав ее отвечающей «задачам массовой политико-просветительной работы» и для этого привлечь «соответствующие учреждения и лица». Хотя сохранившиеся документы носят отрывочный характер, можно утверждать, что к августу 1929 года перестройки выставки «в сторону выявления в ней

¹¹² А.П. Удаленков вообще отличался достаточным радикализмом, горячностью. Так, в конце 1924 года, когда на заседании Комиссии по переустройству Александровской колонны обсуждалась перспектива замены венчающей колонну фигуры ангела статуей В.И. Ленина, архитектор предложил «вообще снести колонну, чем уродовать ее». См. подробнее: *Измозик В.С., Лебина Н.Б.* Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве: 1920-1930-е годы: Социально-архитектурное микроисторическое исследование. СПб., 2016. С. 35.

¹¹³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 330 (ГМП «Исаакиевский собор»). Оп. 1. Д. 4. Описание экспонатов выставки по истории строительства Исаакиевского собора. Л. 10-12.

истории постройки собора в производственном и политико-просветительском направлении с антирелигиозным уклоном» не произошло. А.П. Удаленков отмечал отсутствие возможности проводить эту работу силами Реставрационной мастерской¹¹⁴.

Ключевую роль в деле создания музея с конца 1929 года стал играть Ленинградский Областной совет Союза воинствующих безбожников. Выступавший от этой организации известный астроном Н.П. Каменьщиков выдвинул идею демонстрации в соборе опыта Фуко. Установка маятника требовала демонтажа возведенных профессором П.И. Дмитриевым еще в дореволюционный период строительных лесов, необходимых для ремонтно-реставрационных работ. На заседании Комиссии по организации опыта 10 декабря 1929 г. оставшийся архитектором здания Н.П. Никитин выступил с предложением до снятия лесов укрепить установленные в подкупольных парусах мозаики¹¹⁵. 24 января 1930 года он составил целый перечень работ, «необходимых к производству перед снятием металлических лесов». Н.П. Никитин планировал «укрепить (переложить на цемент) части мозаик, временно положенные на мастику в 2-х парусах (Матвей и Марк)», «залить цементом один парус и заштукатурить в нем швы отдельных частей смешанным раствором (Иоанн) с окраской», «просмотреть всю мраморную облицовку и отставшие куски, грозящие падением, отбить и исправить», «промыть окна» и т.п.

¹¹⁴ Там же. Л. 24.

¹¹⁵ ЦГА СПб. Ф. 2556 (Управление Уполномоченного НКП РСФСР по делам вузов, рабфаков, научно-художественных и музейных учреждений Ленинграда). Оп. 7. Д. 145. Исаакиевский собор. Переписка о производстве ремонтных и строительных работ и материалы по вопросу установки маятника Фуко в соборе. Л. 2

Архитектор полагал, что на эти работы потребуется не меньше полугода, а сам процесс разборки лесов займет два месяца¹¹⁶. Можно с высокой степенью уверенности утверждать, что Н.П. Никитин выступал противником самой идеи установки маятника Фуко. Он недвусмысленно высказывался против демонтажа лесов, и его позиция препятствовала этому процессу. Так, 9 февраля 1930 года на очередном заседании Комиссии по вопросу установки маятника Н.П. Никитин прямо заявил, что «леса стали необходимы как для постоянного наблюдения над имеющимися повреждениями, так и для того, чтобы вовремя обнаружить дефекты, могущие появиться вновь». А 17 февраля подал докладную записку на имя старшего эксперта Уполномоченного Наркомпроса т. Короткевича, в которой подробно обосновал нецелесообразность демонтажа лесов. Н.П. Никитин писал: «Грандиозное здание собора (высота около 102 м), построенное с нарушением технических правил, до сего времени не прекратило своей осадки, результаты которой сказываются во всех частях собора в виде различных трещин, скальваний, отклонений от вертикальной оси и пр. Указанные дефекты появляются не только в местах доступных осмотру, но и в скрытых частях конструкций, место которых можно установить только с лесов. [...] С лесов можно в любое время устранить тот или иной обнаруженный дефект путем ремонта и поднять требующийся для этого строительный материал»¹¹⁷. Повидимому, однозначная позиция Н.П. Никитина действительно не давала возможности приступить к разборке лесов. Лишь когда в июле 1930 года Исаакиевский собор оказался передан Уполномоченным

¹¹⁶ Там же. Л. 90, 91.

¹¹⁷ Там же. Л. 36.

Наркомпроса в ведение Областного отдела народного образования и было принято решение о том, что «вся работа в нем будет строиться (и начата уже) по единому плану с работой Дома Безбожника»¹¹⁸ (очевидной стала организация Антирелигиозного музея), демонтаж лесов начался. Н.П. Никитин выступил резко против. В своем отношении заведующему Антирелигиозным музеем Л.Н. Финну он указывал, что работы «производятся незаконно и технически неправильно». Архитектор с возмущением отмечал: «Нет утвержденных проектов и расчетов. Без моего ведома и разрешения пробиты 11 дыр в кирпичной кладке барабана под куполом и в десяти из них заделаны железные кольца на цементном растворе. [...] Работы происходят при открытых южных дверях собора, что недопустимо, т.к. в сырые дни собор должен быть абсолютно закрытым во всех своих частях»¹¹⁹. Но услышан Н.П. Никитин не был, маятник Фуко занял свое место под куполом Исаакиевского собора, а отношения архитектора с директором образованного музея Л.Н. Финном не сложились. Работать в открывшемся в соборе в апреле 1931 года Антирелигиозном музее Н.П. Никитин не стал.

В личном фонде Н.П. Никитина сохранилось написанное им 5 мая 1931 года (перед увольнением) заявление Инспектору музеев ОблОНО с призывом наладить работу по охране Исаакиевского собора, в том числе по обеспечению безопасности посетителей

¹¹⁸ ЦГА СПб. Ф. 7179 (Лен.областной совет народных депутатов). Оп. 4. Д. 8. Материалы о закрытии церквей, использовании церковных зданий, имущества, оборудования и об антирелигиозной работе. Л. 84.

¹¹⁹ ЦГА СПб. Ф. 2556 (Управление Уполномоченного НКП РСФСР по делам вузов, рабфаков, научно-художественных и музейных учреждений Ленинграда). Оп. 7. Д. 145. Исаакиевский собор. Переписка о производстве ремонтных и строительных работ и материалы по вопросу установки маятника Фуко в соборе. Л. 81.

смотровой площадки памятника. Архитектор объяснял: «Твердая уверенность в возможности какой-либо катастрофы при настоящей охране – вернее, отсутствии таковой – заставляет меня в последний раз перед моим уходом обратиться с официальным заявлением к соответствующим учреждениям и снять с себя ответственность как официально, так и морально». Н.П. Никитин жаловался на администрацию музея, на самоуправство и пренебрежение обязанностью поддерживать порядок и сохранность памятника. Архитектор указывал: «Частые отлучки со своих постов вахтера и завхоза – явления обычные, большей частью их посылают по разным поручениям и покупкам, непосредственно к зданию собора не относящимся». «Благодаря отсутствию сторожей, – продолжал Н.П. Никитин, – посетители сходят с чугунных мостов и гуляют по всей медной крыше, взбираются на парапеты, откуда могут упасть на землю; дети бегают по крышам, залезают на колокольни, на дымовые трубы, срывают колпаки с вытяжек, бьют стекла и очень легко могут провалиться через стекла в галерею. Открыв окно на крыше, в барабане или на самой вышке посетители могут проникнуть на своды или внутрь собора (дети это проделывали) и упасть с большой высоты на пол здания. [...] Во время ремонтов сводов в прошлом 1930 году из-за отсутствия должной охраны [...] за рабочими некому было запира́ть двери чердаков, и посетители из любопытства проникали под крышу, не зная, что их любопытство может повлечь за собою смерть, причем разбившийся спустя лишь долгое время может быть обнаружен по запаху». Архитектор обращал внимание на разрушение кровли здания, на необходимость запайки трещин и швов, на протечки как следствие массовых «прогулок» по крыше экскурсантов и справедливо указывал, что расход на

ремонт, «вызванный отсутствием на крыше сторожей, превышает в несколько раз расходы на зарплату охраны»¹²⁰.

Н.П. Никитин искренне переживал за судьбу памятника и, уже будучи назначен старшим архитектором Управления дворцов и парков Ленсовета, продолжал собирать материалы по истории создания Исаакиевского собора и творчеству зодчего О. Монферрана. В 1939 году в издательстве Ленинградского отделения Союза советских архитекторов вышла в свет подготовленная им обстоятельная монография «Огюст Монферран. Проектирование и строительство Исаакиевского собора и Александровской колонны» (Рис. 6). Хотя тираж оказался мизерным (всего 2600 экземпляров), именно изыскания Н.П. Никитина легли в основу экскурсионной работы музея в Исаакиевском соборе. Соответствующие занятия с экскурсоводами архитектор лично проводил осенью 1936 года¹²¹. В 1940 и 1945 гг. Н.П. Никитин на основе собственных исследований защитил диссертации «Неравномерная осадка и деформация здания Антираелигиозного музея (б. Исаакиевский собор)» и «Огюст Монферран. Проектирование и строительство Исаакиевского собора и Александровской колонны» на соискание ученой степени кандидата технических наук и ученой степени доктора архитектуры соответственно¹²².

¹²⁰ НА РАХ. Ф. 42 (Никитин Н.П.). Оп.1. Д. 15. Документы по работе в Исаакиевском соборе. Л. 4-5. В результате заявления Н.П. Никитина директору Антираелигиозного музея Л.Н. Финну «за безобразное и антисанитарное содержание здания» 12 мая 1931 г. был объявлен выговор с предупреждением.

¹²¹ Там же. Л. 6.

¹²² ЦГА СПб. Ф. 2881 (ПГУПС). Оп. 15. Д. 337. О присвоении ученой степени кандидата технических наук Никитину Николаю Петровичу. Л. 1, 15; НА РАХ. Ф. 42 (Никитин Н.П.). Оп.1. Д. 2. Автобиография, списки научных

Н.П. Никитину, написавшему фундаментальный труд об Исаакиевском соборе и поучаствовавшему в формировании историко-художественного профиля музея в здании собора (этот характер музей обрел в конце 1940-х гг.), удалось, таким образом, воплотить в жизнь идеи и замыслы своего учителя, академика архитектуры М.Т. Преображенского.

М.Т. Преображенский умер 25 сентября 1930 года в возрасте 75 лет. Собранные им материалы, выписки из неопубликованных документов, копии чертежей «были сосредоточены у него на дому и приготовлены для печати в виде многотомного труда, основанного на проработке около 5000 архивных дел». В ноябре 1932 года администрация Антирелигиозного музея посчитала необходимым изъять эти бумаги у вдовы зодчего – «во избежание ненужной затраты научных сил и средств на дублирование уже проделанной работы». Но вдова, по выражению работника музея В.А. Ершова, «особа верующая-ханжа», упорно отказывалась передать документы покойного мужа, не желала «иметь дело с безбожной организацией, какой является Антирелигиозной музей»¹²³. Дирекция музея обратилась за содействием к Ленинградскому отделению ОГПУ! До сегодняшнего дня судьба бумаг М.Т. Преображенского остается неясной. Нельзя исключать, что их использовал при подготовке своих исследований Н.П. Никитин.

В 1930-е гг. Н.П. Никитин стал активно заниматься преподавательской работой, с октября 1934 года преподавал в Ленинградском институте инженеров

работ, научно-реставрационных работ и обмеров архитектурных памятников; перечень научных учреждений и вузов СССР, в которых работал Н.П. Никитин. 1953 г. Л. 4.

¹²³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 330 (ГМП «Исаакиевский собор»). Оп. 2. Д. 1. Список служащих музея. Л. 85 – 86 об.

железнодорожного транспорта (сначала в должности доцента, потом профессора, а с 1946 года заведующего кафедрой «Здания») (Рис. 7). В 1935 году в ЛИИЖТе на должности профессора на кафедре «Начертательная геометрия и графика» начал работать А.П. Удаленков¹²⁴. Среди немногочисленных сохранных Н.П. Никитиным бумаг от времени работы в институте есть отзыв о его лекциях, составленный А.П. Удаленковым. Николай Петрович бережно хранил отзыв коллеги, однокашника по Академии художеств, своего начальника по Реставрационной мастерской в 1920-е гг.; они, вероятно, испытывали друг к другу не только взаимоуважение, но искреннюю симпатию, а, может быть, являлись друзьями. Во всяком случае, А.П. Удаленков, прослушав несколько лекций Н.П. Никитина по теме «Крыши» в курсе «Детали зданий», не скупился на похвалу: «В своем прекрасном изложении – как в стилистическом отношении, так и научном, лектор убедительно и ясно передал слушателям содержание [...] темы. [...] Необходимо отметить прекрасные графические изображения мелом на классной доске, сопровождаемые четким и красивым шрифтом пояснений»¹²⁵. Отзыв датирован 25 апреля 1941 года. Спустя два месяца в связи с началом Великой Отечественной войны зодчие стали принимать активное участие «в работах по укрытию, фиксации и изучению памятников» Ленинграда¹²⁶. А после войны в 1945 году «в Управлении по делам архитектуры Ленгорисполкома

¹²⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 341 (Ленинградская организация ордена Ленина Союза архитекторов СССР). Оп.3. Д. 472. Удаленков Александр Петрович. Л. 9 об.; Юбилей проф. Д.И. Каргина // Наш путь. 1940. № 27 (471). 5 июня. С. 2

¹²⁵ НА РАХ. Ф. 42 (Никитин Н.П.). Оп.1. Д. 21. Документы, связанные с работой в ЛИИЖТе. Л. 2.

¹²⁶ *Кедринский А.А., Колотов М.Г., Ометов Б.Н., Раскин А.Г.* Восстановление памятников архитектуры Ленинграда. Л., 1983. С. 13.

были созданы две хозрасчетные архитектурные мастерские, в которых работало около 20 человек. Одной мастерской руководил профессор А.П. Удаленков, второй – профессор Н.П. Никитин. Среди объектов мастерских были памятники архитектуры Петропавловской крепости, Юсуповский дворец, Гатчинский дворец»¹²⁷. Одним из первых объектов совместной заботы Н.П. Никитина и А.П. Удаленкова стал Никольский собор. Под их наблюдением в июне 1945 года «производилась расчистка тяг и лепки, воссоздание утраченных лепных деталей. Стены собора и колокольни окрасили в насыщенный синий цвет, выделив побелкой колонны и орнаментальный декор»¹²⁸.

А.П. Удаленков вообще увлекался реставрацией именно храмов (может быть, потому, что азы профессии освоил в Успенском соборе Кремля). В 1920-е – 1940-е гг. он реставрировал церковь Св. Георгия в Старой Ладоге, храмы Великого Новгорода, в том числе Софийский собор¹²⁹, а летом 1949 года по предложению митрополита Ленинградского и Новгородского Григория (Н.К. Чукова) стал готовить проект восстановления корпусов Александро-Невской лавры, в частности, здания церкви Св. Духа, будучи назначен епархиальным архитектором¹³⁰! В декабре 1949 года А.П. Удаленков был

¹²⁷ Памятники архитектуры в Советском Союзе: Очерки истории архитектурной реставрации / Под общей ред. доктора архитектуры А.С. Шенкова. М., 2004. С. 242.

¹²⁸ *Кедринский А.А., Колотов М.Г., Ометов Б.Н., Раскин А.Г.* Восстановление памятников. С. 134.

¹²⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 341 (Ленинградская организация ордена Ленина Союза архитекторов СССР). Оп.3. Д. 472. Удаленков Александр Петрович. Л. 12.

¹³⁰ *Александрова-Чукова Л.А., Шкаровский М.В.* Борьба митрополита Григория за возвращение Церкви храмов Александро-Невской лавры в 1945-1955 гг. Эл. ресурс: <http://lavra.spb.ru/about/history/1920-borba-mitropolita-grigorija-za-vozvraschenie-cerkvi-hramov-aleksandro-nevskoj-lavry-v-19451955-gg.html> (Дата обращения: 18.03.2017)

арестован, а 20 июня 1950 года осужден по статье 58-10, ч.1. УК РСФСР (Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания) и приговорен к лишению свободы на 10 лет. Отбывал наказание в Москве как «архитектор проектной организации МВД». 24 февраля 1955 года по Постановлению Президиума Верховного Суда РСФСР приговор отменен, дело прекращено за отсутствием состава преступления¹³¹. Сведения о том, что после освобождения А.П. Удаленкову довелось вновь работать или просто повидаться с Н.П. Никитиным, не обнаружены. Оба архитектора скончались, дожив до 87 лет.

На протяжении полутора десятилетий после революции 1917 года (а М.Т. Преображенский – и до нее) о состоянии Исаакиевского собора беспокоились и пеклись одни и те же люди, профессиональные архитекторы, реставраторы. Лично приложившие массу усилий для старта неотложных работ по спасению здания в 1920-е гг. М.Т. Преображенский, Н.П. Никитин и А.П. Удаленков в своей профессиональной деятельности не руководствовались какими-либо антицерковными или антирелигиозными воззрениями. Они боролись не против церкви и не за власть, а за памятник. Стремились отреставрировать его и показывать как достижение архитектурного искусства, разработали и начали воплощать в жизнь проект организации историко-художественного музея-памятника «Исаакиевский собор».

¹³¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 341 (Ленинградская организация ордена Ленина Союза архитекторов СССР). Оп.3. Д. 472. Удаленков Александр Петрович. Л. 1 об., 5.

Критикуя бездействие «двадцатки», Н.П. Никитин и А.П. Удаленков находили поддержку у представителей советской власти, но как только они представили свое собственное видение судьбы памятника, натолкнулись на непонимание и препоны. Встретившие революцию 1917 года вполне зрелыми людьми со сформировавшимися взглядами архитекторы – оба беспартийные¹³² – не разделяли идеологических установок, характерных для новой политической реальности. В эпоху установления режима личной власти И. Сталина зодчие «вписывались» плохо и тихо занимались преподавательской работой. Вновь востребованными они оказались после Великой Отечественной войны, когда высококвалифицированные специалисты были нужны для восстановления разрушенных памятников Ленинграда, но теперь в истории их фигуры «затмили» представители следующего поколения мастеров-реставраторов, основатели так называемой «ленинградской школы реставраторов».

Настоящий очерк – дань памяти выдающимся архитекторам, фактическим создателям музея «Исаакиевский собор», попытка не только вернуть их имена из забвения, но и представить постреволюционную эпоху во всей ее полноте и сложности.

¹³² ЦГАЛИ СПб. Ф. 341 (Ленинградская организация ордена Ленина Союза архитекторов СССР). Оп.3. Д. 472. Удаленков Александр Петрович. Л. 1; ЦГАЛИ СПб. Ф. 341 (Ленинградская организация ордена Ленина Союза архитекторов СССР). Оп.3. Д. 304. Николай Петрович Никитин. Л. 1.

Источники и литература

Источники

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 502 (Кабинет архитектора Монферрана). Оп. 4. Д. 11, 21, 33, 46, 47.

Ф. 789 (Академия художеств). Оп. 13. Д. 114, 138.

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб)

Ф. 56 (Исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Центрального района Ленинграда). Оп. 4. Д. 9, 10, 11.

Ф. 143 (Канцелярия Центрального Исполнительного комитета и Совета комиссаров Союза коммун Северной области, 1918-1919). Оп. 1. Д. 31.

Ф. 144 (Совет Комиссаров Петроградской Трудовой Коммуны). Оп.1. Д. 1.

Ф. 2556 (Управление Уполномоченного НКП РСФСР по делам вузов, рабфаков, научно-художественных и музейных учреждений Ленинграда). Оп. 7. Д. 145.

Ф. 2881 (ПГУПС). Оп. 15. Д. 337.

Ф. 7179 (Лен.областной совет народных депутатов). Оп. 4. Д. 8.

Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб)

Ф. 36 (Государственный музейный фонд Ленинградского отделения Главнауки). Оп. 1. Д. 122.

Ф. 330 (ГМП «Исаакиевский собор»). Оп. 1. Д. 1, 2, 4.

Ф. 330 (ГМП «Исаакиевский собор»). Оп. 2. Д. 1.

Ф. 341 (Ленинградская организация ордена Ленина Союза архитекторов СССР). Оп.3. Д. 304, 472.

Научный архив Российской Академии художеств (НА РАХ)

Ф. 42 (Никитин Н.П.). Оп.1. Д. 2, 15, 21, 49.

Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры Российской Академии наук (РО НА ИИМК РАН)

Ф. 2 (Государственная Академия истории материальной культуры (1919-1937)). Оп.3. Д. 675, 790.

Опубликованные источники:

Никитин Н.П. Огюст Монферран. Проектирование и строительство Исаакиевского собора и Александровской колонны. Л., 1939.

Состояние Исаакиевского собора // Красная газета. Вечерний выпуск. 1923. 27 июля. С. 2.

Юбилей проф. Д.И. Каргина // Наш путь. 1940. № 27 (471). 5 июня. С. 2.

Литература

Александрова-Чукова Л.А., Шкаровский М.В. Борьба митрополита Григория за возвращение Церкви храмов Александро-Невской лавры в 1945-1955 гг. Эл. ресурс: <http://lavra.spb.ru/about/history/1920-borba-mitropolita-grigorija-za-vozvrashchenie-cerkvi-hramov-aleksandro-nevskoj-lavry-v-19451955-gg.html>

Голованова А.В. Руководители и их роль в жизни музея в XX веке // Кафедра. Сб. науч. ст. Вып. XI. Имена. СПб., 2013. С. 40-50.

Измозик В.С., Лебина Н.Б. Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве: 1920-1930-е годы: Социально-архитектурное микроисторическое исследование. СПб., 2016.

Каулен М.Е. Музеи-храмы и музеи-монастыри в первое десятилетие Советской власти. М., 2001.

Квятковский А.В. Управление, содержание и заведование Исаакиевским кафедральным собором. 1858-1918 (по документам РГИА) // Кафедра. Сб. науч. ст. Вып. I. Музей в храме-памятнике. СПб., 2005. Эл. ресурс: <http://www.isaac.spb.ru/cathedra/num1/kvyat>

Кедринский А.А., Колотов М.Г., Ометов Б.Н., Раскин А.Г. Восстановление памятников архитектуры Ленинграда. Л., 1983.

Кузьменко Д. Из истории реставрации Исаакиевского собора // Выборг. 2016. № 16 (17564). 19 февраля. Эл.ресурс: <http://www.gazetavyborg.ru/article.php?table=events&item=39793270&album=null>

Окунев С.Н. Документы по истории создания музея «Исаакиевский собор». 1918-1928. Научная справка ГМП «Исаакиевский собор». СПб., 1999.

Павлова А.Л. О деятельности архитектора М.Т. Преображенского (150 лет со дня рождения) // Русское искусство Нового времени. Исследования и материалы. Сб. ст. Вып. 9: Из истории Императорской Академии художеств. М., 2005. С. 297-316.

Памятники архитектуры в Советском Союзе: Очерки истории архитектурной реставрации / Под общей ред. доктора архитектуры А.С. Щенкова. М., 2004.

Рогозный П.Г. Церковная революция 1917 года. Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции. СПб., 2008.

Рославский В.М. Москва-Петроград. Два центра отечественной реставрации. М., 2015.

Ушкова Ю.С. Судьба творения О. Монферрана в новейшей истории России (после 1917 г.) // Кафедра. Сб. науч. ст. Вып. IV. Исаакиевский собор между прошлым и будущим. СПб., 2008. С. 380-390.

Черепенина Н.Ю., Шкаровский М.В. Справочник по истории православных монастырей и соборов г. Санкт-Петербурга 1917-1945 гг. (по документам ЦГА СПб). СПб., 1996.

Шахнович М.М., Чумакова Т.В. Музей истории религии Академии наук СССР и российское религиоведение (1932-1961). СПб., 2014.

Шевчук С. Эх ты, златоглавый... // Вечерний Ленинград. 1987. 27 июля. № 171 (18261).

Шкаровский М.В. Советское государство и «советская церковь» // *Шкаровский М.В.* На земле была одна столица... СПб., 2009. С. 406-434.

Подписано в печать 12.04.2017 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 4,0. Тираж 100 экз.
Заказ № 4502.

Отпечатано в ООО «Издательство «ЛЕМА»»
199004, Россия, Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., д.28
тел.: 323-30-50, тел./факс: 323-67-74
e-mail: izd_lemma@mail.ru
<http://www.lemaprint.ru>

